

Глава первая НА ЕЛАНСКИХ ПРОСТОРАХ, 1711–1929 годы

Назван Трофимом

С 1933 года по документам значусь Трофим Егорович Шалакин, хотя родился под фамилией Шелакин 17 сентября 1918 года в селе Красавка Самойловского района Саратовской области. Фамилию мне и моим родственникам-сибирякам по каким-то причинам изменили в городе Прокопьевске Запсибкрая, а теперь Кемеровской области. К счастью, имя и отчество остались исконными. А назвали меня Трофимом по просьбе сестры отца в честь ее мужа, унесенного из отчего дома вихрями империалистической войны и революции 1917 года.

Боевой офицер

Мой отец Егор Степанович Шалакин. Русский. Родился в Красавке в 1889 году. Считалось, что он умер в результате репрессий в лагере в 1941 году. На самом деле расстрелян в августе 1937 года в Прокопьевске. Местом его упокоения, судя по всему, стал ров на берегу реки Абы в окрестностях поселка Черная Гора.

Отец был крепким физически и 182 сантиметра ростом. Волосы имел рыжие. Ходил быстро. Хорошо владел телом на турнике. В детстве прислужничал помещику Павлу Киевскому. В 1907–1916 годах служил в Русской армии на Кавказе и в Карпатах. Был младшим офицером, участвовал в боевых походах.

Имел три Георгиевских креста двух степеней – высшую награду для солдат и унтер-офицеров за храбрость в борьбе с неприятелем. Кресты изготавливали из серебра. На одной стороне изобража-

ли святого Георгия на коне, а на другой – его вензеля. За эти награды давали повышенное жалованье, пока довольствие не увеличивалось вдвое. При этом прибавочное жалованье было пожизненным.

Неравные силы

В империалистическую войну Егор 11 раз ходил в атаки. Как-то их полк держал оборону против австрийцев. Снаряды падали как дождь. Полковника ранили. Его на носилках несли к реке. Он приказал остановиться. Подозвал офицеров. Отдал Егору компас, другим – все, что было в сумке и карманах. Приказал выходить из окружения. А по поводу себя сказал так: «Меня оставьте, иначе погибнете». Воины заняли выгодный рубеж. Но недолго это продолжалось. Подъехал подполковник из штаба и повел всех по логу вперед. Через километр сверху двинулись австрийцы и взяли наших в плен. Пока ставили пленных в строй, подполковник был убит своими же.

Там Егор попал в австрийский плен. Там люди, по его словам, жили неважно, получали свеклу по карточкам. А что тогда говорить о пленных? Они собирали по улицам кости, толкли их, кипятили муку и пили вонючую жидкость. Позже пошли посылки из России, и стало немного легче. Потом обмен пленными. Это делали по небольшому списку.

На работах в Австрии Егор был ранен. А произошло это так. Пленные строили шоссейную дорогу около железнодорожной колеи. Напротив них взорвался поезд с боеприпасами. Егору осколками перебило у правой руки три пальца и задело ногу. Госпиталь в Австрии страшнее плена.

Но мир не без добрых людей. Врач сказал Егору по-русски: «Ты в живых останешься, на ноге плясать будешь, а за руку не ручаюсь». Поэтому Егор и попал

в список на обмен. Пришел пароход из России. Поплыли. Но флот был потрепан. Пробило трюмы корабля. Пароход стал тонуть. К месту крушения подошло судно другого государства и взяло людей на борт.

В 1916 году Егор вернулся в Россию инвалидом. Он географию знал хорошо, понимал австрийский и немецкий языки. Одевался небогато и неброско, но был опрятным и в себя окурки бросать не позволял.

На последние копейки покупал газеты, внимательно читал их и был в курсе последних событий. По характеру – горячий. Однажды на свадьбе племянника поругался с матерью. Снял икону Николая Угодника со стены и ушел с ней ночевать в ригу, где хранили корм для скота.

Горничная при помещике

Бабушка по отцу Аксинья Ивановна Шалакина (в девичестве Малашина) была организатором всех семейных дел. Родилась она в Красавке в 1864 году, а умерла в 1934 году в Прокопьевске. Умная женщина. Среднего роста, темно-русая, с густыми волосами. Хорошо причесывалась и строго следила за собой. Обладала приятным голосом, гадала на картах. Прекрасно готовила. Умела шить на машинке.

Она могла галантно встретить пришедшего человека. Красиво подавала на стол еду, ставила самовар и наполняла стаканы чаем. С поклоном провожала гостей. Она училась быть доброй, когда служила горничной в доме помещика Ивана Семеновича Ротина. Тот дом строили с 1865 года в течение трех лет. Располагался он в трех километрах от Красавки, на берегу Елани.

Лавочник и картежник

Мой дед по отцу Степан Иванович Шелакин. Родился в 1855 году. Был человеком особого склада. Бесконечный труд не любил. В молодости сторожил, караулил бочки, потом начал торговать. Хорошо помню его с четырехлетнего возраста. Он выше среднего роста, темно-русый. Одежду чистую не любил. У него ее и не было. На его голове не волос был, а какие-то сосульки в масле. Ходил нестриженным и небритым. Расчесывался пальцем, пил водку, играл в карты.

Имел лавку метра четыре длины и два метра ширины. Проще сказать – сарай, сплетенный из хвороста, покрытый сверху соломой, с боков обмазанный глиной и побеленный. Дед торговал солью, селедкой, сахаром, леденцами, пряниками, керосином, спичками, дегтем и удочками. Продукты и товары привозил из Балашова от купца Тараксина. Убытков не имел. За ухом носил карандаш, на прилавке стояли весы и лежали счета. Не знаю, какое

образование он имел, но на счетах умел работать проворно. Приходил покупатель, он с ним разговаривал, предлагал что-то. Если у человека не хватало денег, записывал долг в тетрадь.

С дедом мы жили в одном доме, но наша семья питалась отдельно. Нашу большую семью лавка деда не могла прокормить. Поэтому отец, его братья и сестра периодически уходили в работники к помещикам или к зажиточным людям. В дела жены и сына Егора дед не вмешивался. Вел свою жизнь. Как-то ночью пришел в одних кальсонах: проиграл в карты одежду и лавку. И пришли с ним в лавку человека четыре для того, чтобы забрать то, что было на прилавке и полках. Время – четыре часа утра. Егор услышал, взял вилы и встал около лавки. На вилы смелых не нашлось. Лавка уцелела.

Дом и двор

Дом дедушки и бабушки, где я родился (он многие десятилетия был в сохранности), составлял метров 10 длины и 3,5 – ширины. В нем были две комнаты. В первой – кухня с печью русской. На печи спали. Там могли поместиться человека три. Были еще полки высоко от пола. Там помещались еще человека четыре. Вторая комната называлась горницей. В ней стояла печь круглая, которую называли «галоша». Топили печи либо соломой, либо кизяками, то есть особо приготовленным навозом. Навоз замешивали, лошаадьми трамбовали, потом сушили, рубили на куски. И он был годен для отопления жилья.

В 1916 году хозяйство в Красавке было бедным, но Егор подобрал семейные вожжи. Начал забирать власть у отца. С боем отобрал ее. Главным его советником стала мать. У нее небольшие средства были. Купили две лошади, плуг, бороны, упряжь, телегу. Стали хлеб сеять. В 1917 году Егор женился. Взял в жены в украинской деревне Полтавка, что в 15 километрах от Красавки, Елизавету Васильевну Левченко, которая была моложе его.

Помню надворные постройки усадьбы. Конюшня. В ней стояли две лошади. Сарай. Здесь помещался остальной скот: корова, телка, две свиньи, 12 овец и примерно 20 куриц. Огород занимал соток 80, имелся сад небольшой: корней восемь вишни и корней шесть сливы. Остальная площадь использовалась под картофель и овощи.

Из сельскохозяйственного инвентаря были плуг, сеялка и бороны. При необходимости дополнительную землю брали в аренду и на ней сеяли пшеницу, рожь, просо, овес, коноплю, лен.

Часто арендовали землю под бахчи. Садили арбузы, дыни. Коноплю и лен перерабатывали до по-

лучения материи для рубаш и штанов. Всем этим нужно было руководить, тратить много труда, чтобы одеваться, питаться, играть свадьбы. Поэтому отец и мать работали от темна до темна.

Помню колодец напротив нашего дома общественный, где поили скот зимой.

Скотина делала разминку и охотно шла на водопой. Смотрел я на это с душевной радостью.

Украинская кровинушка

Моя мать Елизавета Васильевна Шалакина. Она украинка, девичья фамилия Левченко. Родилась в 1897 году. Неграмотная, темно-русая, среднего роста. Занималась сельскими делами, воспитывала детей и внуков. Умерла в Прокопьевске в 1977 году. По рассказам ее матери, их род с Украины, точнее – из Полтавы. Потом семья перебралась в столицу Запорожской Сечи – Гуляй Поле, а уже откуда – в Саратовскую область, в Полтавку. Отец матери Василий Павлович Левченко из крестьян. Имя бабушки по материнской линии не помню.

Мать в семейных советах не участвовала. Делала то, что скажут: печь протопить, постирать. И были еще сельхозработы, которые для нее, как и для всех остальных ближних и дальних родственников, начинались в апреле и кончались в ноябре.

Спасение брата

В 1919 году брат отца Василий прислал в Красавку письмо из госпиталя. Лежал в Москве, ходить не мог: отнялись ноги. Их солдатская казарма была в подвале, спали на бетоне, и он простудил позвоночник. Василий просил Егора, чтобы тот привез его из Москвы на родину умереть.

Отец посчитал это своим долгом и двинулся в путь. По сибирским меркам, не так далеко – 700 километров. Но дороги были разбиты. Раненых разрешали вывозить без очереди. В Москве Егор нашел госпиталь. Брата отдали. Они получили извещение на переезд. Прибыли на Казанский вокзал. Билет взяли в организации, которая помогала раненым. Как будто все. Но не тут-то было. Егор вне очереди занес в вагон мешок и поклажу. Вернулся на перрон, чтобы нести брата. А его мешки уже выбросили из вагона. И поезд ушел. Тогда Василий говорит: «На следующий поезд неси первым меня, а потом – мешки». Так и сделали. Была давка, но им никто не мешал. Нашлось место и Егору, где сесть.

Василию было лет 25–26. Аксиныя Ивановна приняла все заботы на себя. Делала лежачему сыну ванны из разных трав. И не пропали ее труды. Василий начал ходить. Потом женился на Анне. У них родилась дочь Александра.

Засуха, голод и тиф

В 1921 году Красавку поразила засуха. Урожай не было. Наступил голод. А если и было у кого что-то поесть, то они питались по ночам, чтобы никто не видел. Люди снимали солому с крыш, чтобы накормить скот. К одним землякам я иногда заходил, чтобы переждать дождь или пургу. И вот, когда был у них, пришли люди из сельсовета и начали ходить по огороду, тыкать шомполами в землю. Яму нашли. В ней была свекла. Подогнали подводы, погрузили урожай и увезли. С голодом пришел сыпной тиф. Все переболели.

Последним в нашей семье болел брат отца Василий. В августе 1922 года, когда косили пшеницу, ему стало плохо. Он попросил бабушку послать за Егором. Пока тот ехал, Василий умер. Он оставил отцу костюм и в его карманах несколько золотых монет. Сколько? Это знала только Аксиныя Ивановна. И для нее случившееся – тяжелая утрата. Потеря сына в молодом возрасте.

Начались приготовления к похоронам. Обратились к старейшему священнику с просьбой: как храброго защитника Отечества похоронить Василия на площади. Священник отказал, мотивируя тем, что время выбросит его оттуда. Поэтому похороны прошли на общем кладбище. А деньги и хорошие товары, говорят, были у Василия из монастырей, церквей, которые разрушали во время и после революции 1917 года.

После похорон поделили хозяйство. Жена Василия Анна уехала в свое село Николаевку, а дочь Александра осталась в Красавке. И она жила с нами года два. Потом Анна уехала на Дальний Восток. Взяла с собой дочь. По слухам, позже та жила в Баку.

Замены на марше

Шел 1925 год. При кое-каких неудачах и несчастьях хозяйство отца преобразалось и росло. Была построена новая конюшня, расширились посевы. Во время уборки хлеба нанимали одного человека на сезон. В том же году у Егора и Елизаветы родился сын Петр. Семья прибавилась. Стоило наше хозяйство в 1926 году 900 рублей.

Зимой в дом зашел бывший помещик Павел Кивевский, у которого отец в молодости работал. Так что мне довелось видеть живого помещика. Ему тогда было лет 50. Он выше среднего роста, темной кожи. От стопки крепкого напитка не отказывался, но пьяным никогда не был. Мог сеять, пахать, в руках хорошо держал вилы и грабли. Мог работать на молотилке и на тракторе. Знал, где что посеять, какими семенами, где посадить яблоню, где сливу. Понимал животных: какая корова сколько даст молока, какая свинья сколько принесет поросят. Не обижал жен-

щин. Он был богатым, ему его знания помогали. С ним люди здоровались, преклоняли перед ним голову. Он никому не отказывал в помощи. На нем рубаха всегда была чистая. В то время такие люди, как помещик, были не нужны. Их убирали, они мешали.

Бывший помещик осмотрел хозяйство отца и семена, которые были приготовлены для сева. Сказал: «Семена заменить. Скот непродуктивный заменить. И лошадей поменять на более сильных с широким шагом». Послушал Егор Киевского. Заменял семена, скот – корову и лошадей. В том году у отца работы особо много было, но и хлеба уродилось немало. Поп с народом выходил в степь, просил дождя у бога. Потом шел дождь. Поп также отпевал больных, но прежде, чем отпеть, нужно было знать, умрет ли он. И поп знал исход. Так кто же он? Доктор или священник?

Естественный исход

В 1926 году похоронили деда Степана. Он прожил 71 год. Как-то не встал с постели. Егор поехал за врачом, с которым в одном полку служил. Звали его Иван Денисович. Когда тот прибыл, накрыли стол. Доктор отказался от застолья, сказав: «Сначала посмотрю больного». Раздел деда, послушал деревянной трубкой, потом подошел к столу. Егору сказал, чтобы готовились к похоронам. И дня через четыре умер Степан Иванович. Торговля в лавке закончилась. Продолжатель дела среди наших не объявился.

Трудаги-единоличники

Попробую описать единоличное хозяйство. Мне было 9 лет, и в памяти все сохранилось. Возьму хозяйство отца. Он тогда был около среднего возраста (38 лет) или чуть отошел от него. Его хозяйство состояло из двух лошадей. Они каждый год приносили жеребенка. Были две коровы. Они обязаны были принести теленка. От двух свиней ждали 10 поросят, 15 овец должны были приносить 10 ягнят. А куры несли яйца для вывода цыплят. Как будто простая цепочка, но стоит только в одном месте порвать ее, и ничего не получится. Моментально хозяйство начнет падать.

Все должно обновляться. Лошадь устарела – нужно заменить. Корова устарела, не дает молока – нужно заменить. Многое нужно знать, не каждому человеку это под силу. Необходимо иметь помещения, чтобы они соответствовали тому или иному животному, иметь фураж или корм. Это все зависит от летних заготовок. Труда нужно больше летом: уборка урожая, обмолот хлеба. Отец сдавал зерно, скот государству, землю брал в аренду. Сколько, по какой цене, не могу знать. Да и спросить теперь не у кого. Этих трудаг нет, они в земле ждут меня.

Видел умирающих

Зима и весна 1927 года выдались голодными. Правда страшная. Обкладывали налогами до последней рубахи, забирали скот, если он был, и продукты. Это делалось у людей на виду, чтобы все боялись и работали бесплатно. В большинстве случаев обирали припасы зимой. И люди в Красавке умирали. Среди них оказалась моя сестра Александра 1922 года рождения. Самому довелось видеть немало умирающих от голода людей. Трупы грузили на сани и везли к глубокой канаве.

Пошел в первый класс

Любил пасти лошадей, но в тяжелом, 1927 году мне пришлось пойти в школу. Учился неважно, почти на сплошные тройки. Очень редко была оценка выше.

Одежда на мне была холщовая самодельная. Верхняя одежда – полушубок. Их шили на разный фасон.

Время НЭПа

Осенью 1927 года зерно в Красавке некуда было девать, и наш амбар тоже не вмещал его. Отцу пришлось сдавать урожай государству, а в обмен привозить лес для будущего дома. Это делали так: в Самойловку на элеватор отдавали зерно, а оттуда везли во двор лес и кровельное железо. Такая система существовала чуть ли со времен императрицы Екатерины Великой.

Новый дом построили в 1928 году, для чего нанимали плотников. Зерно оставалось, поэтому отец купил в рассрочку еще и молотилку. В нее впрягали шесть лошадей, которые крутили привод. Можно было другим людям зерно обмолачивать. Правда, молотилка не слишком выгодна. От бесперебойной работы лошади стали терять зрение и в конце концов ослепли.

То был период НЭПа, когда государство давало кредиты на покупку техники. Поддержка крестьян сыграла большую роль. В селе был государственный агроном. К нему мог любой обратиться. При всех успехах в 1927 году, такой белый хлеб, какой лежит на моем столе в Прокопьевске в 1986 году, в церкви нашей деревни святители на Пасху: один раз в год. А в остальное время хлеб был у нас черный с отрубями.

Святая помощь

В 1928 году я учился во втором классе. У меня был товарищ. Ходил с ним часто по улице и бывал у него дома. Он хорошо решал задачи, знал арифметику лучше меня. Сказал бы он мне во втором классе: «Трофим, учись писать, задачи решать, тебе

придется много чисел умножать и делить». Но кто знал тогда о таком моем будущем?

Семья друга – шесть человек. Отец 70 лет, выше среднего роста с рыжей бородой, мать 50 лет. У отца двое детей от первого брака – мальчик лет восьми и девочка лет шести, от второго брака – мальчик лет четырех и девочка лет двух. Жили все вместе.

Прикидываю в 1987 году по себе: смогу ли я это сделать? Думаю, нет, потому что я напуган браком.

Дом семьи друга был небольшим – пять метров длины и пять метров ширины, пол – глинобитный, четыре окна – 60 сантиметров вышины и 40 сантиметров ширины каждое. Никаких перегородок. Комната – одна. Когда заходишь, налево – русская печь, за ней – полати, застланные соломой. Над ними – еще одни полати. Внизу отдыхали муж с женой, выше – дети. Когда солому меняли на новую, старой топили печь. В правом углу комнаты на небольшой высоте были прибиты две доски. Это – стол. Пища – хлеб из печи. Пекли его на неделю. К этому печь жарко топили. Я знал все харчи семьи друга: щи, каша пшенная, квас и молоко. Их тогдашнее хозяйство: корова, поросенок. Одежда из плодов их труда: халат, шуба, лапти. Трудились от старого до малого. Иначе погибнешь. В магазине товар купить было не на что. Они назывались бедняками.

Освещали дом намоченной в жирах тряпочкой. Ее поджигали, и появлялся свет. Читать и писать при нем было невозможно.

Но мне не довелось там слышать грубого слова. Там материального недостатка была гора, а икон – две. Поддерживали религию и пост. Он длился две недели. Пища в дни поста – каша, масло, квас. Семья была довольна, что есть крыша над головой, есть тепло и харчи. Для них светило солнце. И планета была для них. Они все это понимали, не болели. Им бог помогал.

Люди могли существовать без электрических проводов, часов и радио. В суровых условиях рождались богатыри. Их можно было послать, куда государству нужно. Пьянки в деревне были редкими, но кулачные бои иногда случались. Были случаи, когда убивали людей. Это – дурость, и объяснения ей нет. Также были люди, которые не презирались. У них было, что покушать и одеть. И они не знали, что такое голод, хотя слишком богатыми не были.

С рекой шутки плохи

В конце лета 1928 года утонул брат Петр. Река Елань плесистая: в некоторых местах вода по колено, а в других – очень глубокая. В тот день мы с матерью убирали колхозный хлеб. Она вязала снопы, а я носил их в общую кучу. Вдруг нас позвали на

стан. Там уже были запряжены лошади. Нам сказали: «Нужно ехать домой». Зачем – не помню. Когда подъезжали к дому, около него уже был народ – человек 12. Зашли в комнату. В ней лежал покойник. На второй день – похороны. Много слез было у матери и бабушки. Аксинья Ивановна всю беду приняла на себя: не усмотрела за трехлетним мальчиком.

Замаячили Соловки

В те годы в Красавке замаячили ссылки. Первыми в далекие края увезли семьи кулаков. Нам говорили, что везут их на Соловки. Все хозяйство раскулаченных забирал сельсовет, потом он сдавал имущество в колхоз. При погрузке тех людей на сани или в телеги к ним никто не подходил, кроме детей. Остальные боялись. Кто подходил к ним или пускал в дом к себе, считались подкулачниками. Дочь не могла мать проводить, а мать – дочь. Оставшихся в деревне жителей обкладывали налогами. Ночью вызывали неплательщиков в сельский совет, требовали уплаты задолженности. И после уплаты долгов снова обкладывали налогом и грозили конфискацией имущества. Но все-таки 1928 год не был голодным. У матери и отца появился очередной сын Парфентий, которого в 1933 году в Прокопьевске переименовали в Павла. Семья особо не прибавлялась, потому что один человек рождался, а другой умирал.

Трактора и вечное поселение

В 1929 году в Красавке появились трактора. На них работала бригада механизаторов, в том числе одна девушка по имени Полина. Она была дочерью председателя колхоза. У нее появился ребенок от молодого Михаила. А этот парень попал под кличку кулака. Его отправили на Соловки.

Через три месяца Полина тоже уехала с сыном на вечное поселение. Для чего? Показать сына отцу. Она знала, что никто оттуда не возвращается. Так у молодой семьи с грудным ребенком отобрали родину.

Глава вторая ИЗ ЯМ – ЗА ТРУДОДНЯМИ, 1929–1932 годы

Пошли в колхоз

В том же году всем активно предлагали работу в колхозе. Были уже и коммуны, но не в нашем селе. По очереди людей вызывали в сельский совет. Первыми в колхоз вступили те, кому терять было нечего, у кого своего хозяйства не было, кто не понимал, как его иметь и что с ним делать. Ведь около хозяйства стоял постоянный нелегкий труд. Наша семья в стороне от колхоза не осталась.

118

Осенью отец вступил в колхоз имени Калинина. Сдал лошадей, плуг, молотилку и бороны. Зимой работал в колхозной мастерской плотником, а в полевую страду на лошадях подвозил семена к сеялкам. На любой работе на отца никто не обижался. Он с империалистической войны был инвалидом, но делал не меньше других и себя не жалел. Мать во время уборки вязала снопы ржи и пшеницы. Я вязал снопы в колхозе и пас лошадей, быков. На пашне лошади работали от звонка до звонка. Можно и так сказать: от зари до зари.

В родной Красавке мне доверяли пасти табун лошадей – 150 голов. Скакал перед табуном один верхом на лошади с утра до ночи. И не знал усталости. Было вожделение лошадей в ночное. Это к принуждению не относится. Лошади были умные. То же самое относится к собакам. Какой ты хозяин, такие и они. Лошади подавали мне свои головы, чтобы надеть узду. Потом я хватался за гриву, и лошадь садилась на меня. Вторую привязывал к той, на которой ехал. Через три километра путал ноги лошадей веревками и – до утра. Потом распутывал им ноги и ехал домой гордый и веселый лишь потому, что подо мной была не машина, а живое существо.

Позже мне пришлось несколько молодых лет быть связанным с лошадьми и в Сибири, в Прокопьевске. Накормленные, они не грызутся, не сердятся друг на друга. Заболела лошадь – на других не кидается, никого копытом не бьет, не требует капли в бутылочке, таблетки, никого не кусает, никого в свою могилу не тянет. Может, потому, что она не господин планеты?

Быки и коровы

Корова. Это животное в Красавке ходило в светлое время дня в стаде, где 80 коров, а также один или два быка. Они огуливали стадо. Пастух хозяину коровы говорил: «Ваша корова приняла быка 10 июня». Для того, чтобы хозяин знал время отела. Корова приносила одного теленка, редко – двух. Они сосали мать, но повзрослевшего теленка мать отталкивала ногой. Она знала свое дело. Хозяйку, хозяина и их семью кормила молоком. Знала быка и принимала его один раз в году.

Бык – крупное животное. Ему природа подсказывала, какой корове он нужен. И он не отходил от нее. Если они за день не нагулялись, то вечером он шел с этой коровой. Не пустить его в домашний загон было невозможно. Он ворота рогами перебрасывал через себя, ломал городьбу, мог сарай развалить. Люди это знали и не выходили на борьбу с ним. Он переночует с любимой, а на следующий день уже не придет. Если он никакой корове не ну-

жен, то он понуро идет последним в стаде, ночует вдаль на отведенном ему месте. Его природа одела, обула. Но его обувь боится гвоздей. Не дай бог, бык наступит на гвоздь. Копыто тогда излечению не подлежит. Мне приходилось ветеринару привозить больных животных, поэтому я в курсе. Их копыта как-то защищали, но мне не приходилось видеть подкованного быка.

В 1920-х годах быки в Поволжье кормили людей. На них пахали, сеяли, бороновали, возили грузы. Можно было взять сенокосилку, запрячь пару быков, но при их малой скорости ножи не прорезают, а мнут траву. Лучше запрягать лошадь. У нее ноги длинные и скорость быстрая.

Серьезный звонок

В 1930 году слышал разговор умного человека, который читал газеты. Ему было лет 50. Его слова: «Так не может долго быть, значит, что-то будет». Понятно. Ведь мы ждали того дня, когда станем жить лучше купца и быть выше его хотя бы на шаг. Верил ли я этому? Нет. И осенью к нам ночью пришли двое мужчин. Отец их принял. Это были председатель сельсовета и его секретарь. Для них накрыли стол. Они сказали: «Егор, продавай дом, получай паспорт, а то через год тебя сошлют, ты записан на ссылку». А дом у нас был новый, цинковым железом крыт, поэтому Егор уперся. Считал, если в молодости он был в работниках у помещика, сам вышел из крестьян, все нажил своим трудом, то к богатеям не мог относиться. Но было, как говорится, и другое мнение. Начались оскорбления, унижения. Обложили налогами. Через неделю пришел мельник. Сказал: «Егор Степанович, переходи в мой дом, а я – в ваш. Заплачу разницу». И на этот раз отец не согласился. Вскоре в районной газете было написано, что Егор – кулак, а его держат в колхозе.

Охота на ведьм

Ранней весной 1930 года в нашей деревне люди жили бедно. С нами в колхозе работала женщина. И вот в дом ее отца днем стали сильно стучать. Никто не открывал. А стучали уполномоченные сельсовета. Много детворы собралось. Там был и я. Что же сделали гости? Позвонили в район. Оттуда приехал старший уполномоченный на паре лошадей. Лошади были запряжены гусем, друг за дружкой, иначе по тогдашним дорогам не проехать. Еще был снег, и в нем все проваливались.

Старший уполномоченный приказал сорвать дверь. Сорвали одну дверь, следом – вторую. Зашли в комнату. Там темно. Пол глиняный. В углу стояли нары из пяти досок. Ширина этих нар метра полтора,

от пола высота – метр. На нарах – помятая солома. На соломе ни души, ни единой тряпки не видно.

Рядом – русская печь. На печи тоже видимого ничего нет. Стали искать живых. Открыли печь. Там был человек. Ему приказали вылезти. И он вылез: совершенно голый, весь в черных пятнах и в саже.

Спросили его: «Что с тобой?» Он сказал: «Нарывы на теле залил смолой». Районный уполномоченный плюнул и уехал. Что же это за неплательщик налогов и какой он кулак? Всех под одну гребенку нельзя подстригать. А 1930 год в наших краях почему-то опять выдался голодным, хотя урожаем хороший был. Обозы шли на элеватор с утра до ночи. На лошадях везли зерно, на быках и на машинах – тоже. А нам собирать колосья не разрешали.

На погибель

Отца исключили из колхоза. Публикация в газете на это подействовала. Его арестовали и отправили в балашовский «Мостострой». Дня через четыре коллективизаторы забрали корову и дом. Сначала матери моей сказали: «Пиши заявление на развод и оставайся в доме». Но она этого не сделала. Тогда пришла подвода, погрузили на нее все, что хотели. Распорядился погрузкой и отправкой наш сосед по фамилии Шелакин.

Отец предчувствовал беду и чуть ранее сложил свои боевые награды и три Георгиевских креста в железное ведро и закопал его в огороде или рядом с ним, где они и покоятся до сих пор. Это место мне неизвестно, потому что отец провел операцию по «захоронению» наград тайно ото всех. После того, как отняли дом, нашу семью увезли за 50 километров от Красавки, в окрестности райцентра Самойловка, в так называемый Яр. Когда тронулась подвода, в ней находились бабушка, мать, мои братья – Павел и месячный Иван. Неглубокий лог или ров, как хочешь, так и называй, стал нашим пристанищем. Ни хлеба, ни топлива, ни работы. Помирайте, пожалуйста.

Жил у дяди

Мне в Яру около Самойловки быть не пришлось. Пока я учился в третьем классе, жил у двоюродного брата Федота Ивановича Шелакина. Дом у него был мал: одна комната и русская печь. В переднем углу – икона Казанской Божией Матери начала XX века. Позже ее отреставрировали и передали в православный Христорождественский храм поселка Таштып Республики Хакасия. Сделал это сын Федота Иван Шелакин, который работал там председателем районного суда. Сам приход в Таштыпе открыли в 1833 году. В 1946 году храм взорвали.

Потом его снова устроили. В Красавке у Федота я жил на печи. Продолжал учиться. В 12 лет пытался смотреть на опрятных девчонок, но нищета, унижение и оскорбления побеждали красоту жизни.

Колхозный наездник

Чем же я занимался в Красавке без родителей? Работал, так как меня приняли в колхоз. Пас лошадей, ездил верхом без седла и на гору, и с горы. Выбирал любую лошадь из табуна. Это было мое право. Некоторые деревенские бабы судачили: «Сын кулака, а так быстро ездит на колхозных лошадях». Но эти бабы забывали одно: в то время я был, как и они, таким же равноправным членом колхоза.

Наш животновод не слушал их пустые бредни. Он говорил: «Трофим, выбирай любую лошадь и поезжай верхом». Так что мне много довелось скакать верхом. Всю красоту описать невозможно, когда живое существо – лошадь – танцует под человеком. Такое удовольствие не каждому богом дано.

Человек в это время молодеет. Так сколько красивого, хорошего в жизни! Человек всей красотой планеты за свой короткий век не пользуется, не успевает познать.

Однажды был сильный гром, шел проливной дождь. Из табуна пропали четыре лошади. Они отбились от стада и ушли за 40 километров. Месяца через четыре их нашли в другом колхозе. Удержать табун лошадей в такую стихию, когда деревья лопались от молнии и грома, просто невозможно. У человека возникает ощущение, будто земля трещит по швам. Такое видел раза три. Не хочу сказать, что это плохо или страшно. Просто наблюдаешь природу своими глазами. И себя в ней не ощущаешь. Вздогнешь, проверишь: руки, ноги целы. И этим бываешь доволен. Так что в такую погоду одну лошадь едва удержишь или на ней едва удержишься, не то что удерживать целый табун. Но я – колхозник и к тому же жив.

Науку в школе пришлось забросить, получив образование два с половиной класса. Работал тогда я с утра до ночи. Кормили нас горохом. Летом, когда пас коров, давали дополнительно литр молока. Не помню, какой паек был тогда в колхозе, но, если память не изменяет, давали по 600 граммов хлеба на сутки и на месяц – немного растительного масла.

Под теткин крышу

В 1931 году через комиссию стариков и инвалидов отец присоединился к семье в Яру под Самойловкой. В земляных норах ему пришлось побыть недолго. Поскольку у отца одна рука была неполноценная, он выхлопотал разрешение переехать в пустующий теткин дом в Красавку. Там тоже не слишком хорошо было: неголодные и несытые. Многие люди

также жили впроголодь. Дом тетки пустовал, потому что в 1929 году она с мужем уехала в Саратов. С весны 1931 года вся наша семья опять пошла работать в колхоз. Отработали лето за два центнера хлеба. Дали справку, что он заработан честным трудом. Но председатель колхоза Хомяков хотел все забрать. Люди, которые отбирали у нас урожай, полученный на трудодни, один мешок зерна все-таки оставили. Опять голод, хотя все уродилось на полях, и все убрали. Можно вспомнить и людоедство. Не понимаю, зачем и кем это было сделано?

Пристанище в норе

После уборочной 1931 года семью отправили в новый Яр. Он был на этот раз ближе к Красавке: в пяти, а не в 50 километрах от нее. Отец нанял для переезда киргиза. В Яру изгнанники рыли неглубокие круглые ямы в земле, сверху их перекрывали и присыпали землей. В этом Яру я не только бывал, но и в его норах жил.

Мы ходили на гумна и в те места, где в уборочную страду молотили хлеб. Брала с собой метлы, тарелки, мешки. Выметали из травы зерно с мусором, веяли на ветру, сушили. И к вечеру шли к убогому жилищу, которое и землянкой можно было назвать лишь с большой натяжкой. Около норы зерно толкли, мололи на ручной мельнице и прямо на улице стряпали блины, так как в самом жилище всем можно было поместиться только в лежачем положении. Однако жить было нужно. Поэтому ловили рыбу. У нас были две сети. Но при этом нужна была особая осторожность.

Ночью с отцом шли к пруду. Я раздевался догола, брал в зубы шнур и плыл на другой берег пруда. Там за любой предмет привязывал шнур и плыл обратно. Это в том случае, если было далеко обходить воду по берегу. А когда близко, то обходил пруд бегом, а Егор распускал сеть. Когда обе сети были поставлены, отец разводил костерок, ставил котелок. Потом раздевался, лез в воду, чтобы проверить сети. Что попадало в них, бросал в котелок. Рыбу съедали, воду выпивали. Когда начинало рассветать, отвязывали шнуры, вытягивали сети и в сумерках с небольшим уловом уходили в норы. Иногда встречали нас люди, выносили хлеб в обмен на рыбу. Это делалось тихо, иначе будет беда тому, кто дал хлеб, и тому, кто дал рыбу. А днем – отдых. Более-менее сыты, можно и отдохнуть.

Молотили зерно

Дожили до урожая 1932 года. На уборку хлеба нас по сложившейся традиции приняли в колхоз. Пошли мы трое: отец, мать и я. Отец с матерью работали на молотилке, а ее агрегат гонял трактор.

12 человек обслуживали эту машину. Был заключен договор: часть трудодней оплатит колхоз зерном. Я пас коров. Их было штук 15. Давали литр молока помимо пайка. Паек был такой: один килограмм хлеба в сутки. Утром – 300 граммов, в обед – 400, на ужин – 300 граммов. Получали также талоны у старшего рабочего на полный день. По ним был суп гороховый на первое блюдо и на второе – каша гороховая. В конце сезона получили расчет: нам отдали заработанное зерно. Как будто дальше жить можно.

Семья была из шести человек и ожидалось пополнение. Елизавета Васильевна ходила беременной. После уборочной работы не стало. Ели два раза в день. Это – тоже экономия. Не давали еды больше, потому что каждый хотел побольше съесть, ибо долго было ждать до следующего обеда.

Еда у безработных была из одного блюда – густой суп. Для этого блюда хлеб был не нужен. Ведь суп варили из толченой пшеницы.

Поселили в Репенском

В ноябре 1932 года нас на зиму из земляных нор Яра переправили в опустевший к тому времени поселок Репенский. Он находился в шести километрах от моего села. Там мы жили под крышей до весны 1933 года. Здесь стояли домов 20. Все крыты соломой и все пустые, кроме одного, в котором жил комендант и которого я так и не увидел. Особых издевательств не было. В те дома селили по шесть семей. А семьи были от двух до семи человек.

У нас тогда семья состояла из семи человек. Я не получал пайка. Для обогрева спиливал кресты на кладбище.

Ими топили печь, чтобы согреться. Кто оставался в живых, корм добывал, как умел. Гибли дети и старики. Остальные родственники помочь ничем не могли. Если они и захотели чем-то помочь, то смогли бы сделать это только на свой страх и риск. И только ночью.

Жители Репенского просеивали даже солому. Если доставали муку – на что-то ее выменивали, то добавляли в нее опилки, чтобы еды было больше и на длительное время ее хватало. Ходили на старые гумна, просеивали отходы от проса, а к вечеру приносили ведра 2–3 проса, крутили на ручной мельнице, пекли блины. Собирали мерзлые листья от капусты. Осенью мы с отцом ночами, как в Яру, ставили сети, ловили рыбу. Днем нельзя, потому что могли отобрать снасти. К этой пище добавлялись туши скотского кладбища.

Мы выслеживали, когда уезжали люди, которые закапывали мертвых животных. После них раскапывали захоронения. Отец рубил туши лошадей и коров топором, складывал куски в мешки, сколько

можно унести. После этого промывали принесенное, варили, а из получившегося месива делали котлеты. Добавляли много лука. И неплохая еда получалась по тому времени. Иногда попадались выброшенный теленок или упавшая лошадь.

Помню, зимой нашли мерзлого теленка, привезли его на санках, оттаяли тушу и стали готовить пищу.

Ходили к бабушке по матери. Она жила километрах в 15–20 от Репенского – в селе Полтавка. Туда тайно приходили ночью, днем там нас прятали, чтобы не увидели соседи. А в два часа ночи выходили в обратный путь. Я вез санки с мукой. Ее было не больше 15 килограммов. Делали остановку в другом селе. Нас кормили и давали штук пять плодов свеклы. Двигались дальше. К ночи снова были в Репенском. Нищета неопишуемая. Чтобы избавиться от вшей, тряпки кипятили. Борьба за жизнь продолжалась.

Конфискация – путь к голоду

Мне было 14 лет. Могу ли я написать, почему был голод и был ли он искусственным? Один человек на окраине Красавки вырастил 300 килограммов свеклы. Приехали соответствующие люди и ее забрали. Думаю, именно с этого и начинался голод. Его делали. А нищета того времени не поддается описанию. Что я видел? На дорогах лежали трупы умерших, а продукты горели. Как жили? Без запаса продуктов. Вечером заносили в дом вязанку соломы, она согревалась. И в ней спали дети. Утром сжигали солому в печке, чтобы получить тепло. Дети переходили на печь.

Глава третья ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС, 1933–1936 годы

Обыск при родах

Весной 1933 года многих мужчин в Репенском не стало. Паек по-прежнему не давали. 27 марта 1933 года за оставшимися обитателями поселка пришла вереница подвод. С ними – четыре уполномоченных от сельсовета и председатель колхоза Хомяков. Время было часов 10. У матери начались родовые схватки. А тут заходят и говорят: «Будем делать обыск». Схороненного ничего не было. Заработанная в колхозе пшеница стояла в сенах в мешках. Забрали все. Отец заплакал. Видел его слезы один раз в жизни. Хомяков спросил: «Чего плачешь?» Егор ответил: «Страшно смотреть, когда дети руки будут грызть». Уполномоченные один мешок скинули назад с воза на землю и прикрыли соломой. Бабушка возмутилась: «Женщина рожает, а вы что делаете?» Но на это никто не обратил внимания. О таком

отношении к человеку мне не приходилось читать в книгах. Даже полудикие люди так не поступали.

А погода стояла – только радоваться: тепло и весело светило солнце. Обозы двинулись примерно в 11 часов дня. Грузить в них было нечего, да и брать с собой ничего не разрешали. Отец брел этой же дорогой, но не с нами. Пара лошадей, отъехавших от казенного дома в Репенском, была запряжена в сани, а снег под ногами был с водой. Среди людей, которых увозили с родины в неизвестном направлении, в основном были женщины и дети. Они шли и ехали в повозках в халатах, поддевах, овечьих шубах, обуты были в сапоги, ботинки, калоши. Вся одежда была ручной выделки. Багаж – сундуки. В них – постель и одежда. Всего подвод 50 двигалось в сторону районного центра и железнодорожной станции Самойловка. Многие шли пешком, в том числе и я двигался на кровавых мозолях на ногах. Потер все ноги, потому что сапоги были плохо сшиты. Впереди на лошадях ехали люди из НКВД. И сзади – тоже они. Куда шел обоз, никто не знал и не спрашивал. Плакать не плакали. Между собой не разговаривали. Чего-то ждали, надеясь на бога.

«Живой» мост

Обоз подошел к речке с чудным названием Свиношка. Время – час дня. Погода плюсовая. Светило солнце. Река бушевала. Ее ширина метров 40, глубина 20. По временному зимнему мосту переправиться невозможно. Он уже наполовину снесен пловодьем. Через оставшиеся от переправы доски шла вода на метр выше. Обоз притормозил и остановился. Ямщики стали кормить лошадей. Люди, сидевшие в санях, поднялись, начали ноги разминать. Подъехали люди из НКВД. С другой стороны берега они решили перекинуть к нам так называемый живой мост. Привезли плахи, веревки. Стали плахи связывать между собой. Когда это сделали, перебросили концы на противоположный берег. Потом натянули живой мост, закрепили с обеих сторон веревками, привязав их к чему можно было.

Направили на мост первую подводу. Лошадь почувала недоброе и затряслась. Но следом сразу направили другие подводы. Мост стал тонуть. Лошади с санями пошли по брюхо в воде. Наконец, первые сани вышли из полыньи на другой берег, за ними – следующие. Лошади, которые вторыми и третьими шли, так не боялись, как первые. Наши сани переправлялись пятыми. В этот момент братьев – Павла и Ивана – я привязал к саням веревкой. Течение было быстрое и сильное. Можно ли было в случае чего в одежде выплыть? Думаю, не каждый был способен на это. А природа делала свое. Ведь река –

122

заложник природы, могучий и сильный. Я, бабушка и мать шли пешком. Родившегося в тот день ребенка несли бабушка. Я не запомнил, как его звали. Со всем недолго он жил. Знаю, что это был мальчик. Переправились все подводы. Со стороны смотреть – это зрелище страшное, интересное. Потянули лошади дальше сани. Рядом пошли женщины, дети, все, кто мог передвигать ноги. С нами двигались голод и тиф.

Тогда, мне кажется, я неосознанно понимал, что составляю в этом мире мизерную песчинку и что мне стоит бороться за существование. Сие богом дано и отнимать это грешно сильному у слабого, богатому у бедного. Но что можно было сделать, когда под ногами был снег с водой и не было твердой почвы, после чего государство получило инвалидов и больных?

В Самойловской тюрьме

Обоз прибыл в районный центр вечером. Нас поселили в тюрьме с решетками. Это было большое здание. И окна там были большие. Набили столько народа, что можно было только сидеть. Ели у кого что было. Дети просили милостыню. Тут находился и мой отец. Днем разрешили во дворе костры разводить. Кто свеклу пек, кто кашу варил. Через два дня снова пришли подводы. Всех опять погрузили и повезли на станцию. Там посадили в железнодорожные крытые грузовые вагоны: теплушки или, как их называли, телятники. По 45 человек в каждый. Стали давать по 200 граммов отрубей на человека в день и два ведра воды на всех.

Застучали колеса

Следующей ночью поезд прибыл в Балашов. Остановился. В каждом вагоне по двое часовых с оружием в руках несли охрану около дверей. Говорят, в кого-то стреляли, но мне не доводилось слышать выстрелов. Паровоз немного постоял. Закрыли замки на дверях вагона. Застучали колеса. Ехали сутки без остановок. Куда? Один бог знал. Открывали дверь в вагоне, когда выдавали отруби. Получал их старший, потом шла дележка стаканами. Полученные харчи каждая семья ставила парить в своих чугунах на печку-буржуйку. Ее можно было топить дровами, углем. Горячую пищу ели раз в сутки. И снова лежали сутки – до следующих отрубей.

Прибыли на узловую станцию Ртищево. Эшелон поставили на запасной путь. Нас погнали в мойку. Мылись из тазов все вместе: и мужики, и бабы. Да и какая разница была между ходячими трупами? После помывки повели на медицинскую комиссию. Комиссия в составе шести человек. Был осмотр: руки,

ноги есть, сколько тебе лет? Здесь отец догадался, что подходит его гибель. И тогда он на комиссии не показал руку, у которой была перебита кисть.

Проявил офицерскую смекалку. И нам он приказал говорить: здоров, ничего не болит. Хотя в комиссии никто не слушал. Смотрели только на руки, ноги и года. Прошли медкомиссию. Кто был не пригоден, погрузили в другой эшелон. А мы остались на тех же местах. Теперь наш состав повезли двумя паровозами и также с часовыми. А больных, как мы потом узнали, вернули в поселок с комендантом. Слух доходил, что все они там погибли. А из нас кое-кто выжил.

Эшелон подросток

Поезд продолжил бег в восточном направлении. В Пензе добавили вагонов, а с ними – и людей. Отец отстал. Пошел на базар менять тряпки на харчи, а поезд ушел. С ним было еще человек 10. Через сутки они догнали нас. С нами в вагоне ехал недо развитый парень, лет 16. Он был отправлен из Поволжья с матерью, лет 60, и сестрой, лет 19. Мать его сутулая. Таких людей отношу к выносливым. Слышал, мужики говорили между собой: «Выбросить бы этого уroda и бабку в люк вагона, а их порции отрубей и воды поделить». Мой отец вроде бы дал согласие, но что-то помешало этой затее. Что, не знаю. На потенциальных жертв эшелона не подействовал тиф. Тогда поезд иногда останавливали, чтобы выбросить трупы людей, умерших от тифа. Они доехали благополучно.

Та бабка прожила 90 лет, а дочь ее, выйдя замуж, родила точно такого же уroda, как и ее мать.

Станция Усяты

Почти через полмесяца – 11 или 12 апреля 1933 года – наш эшелон прибыл на место. Шел по вагону разговор, где мы есть? Но никто не знал. Проскальзывало только: «Станция Усяты». Приступили к высадке. Все тряпки – в прожарку. Нас – в мойку. Всех вместе: женщин и мужчин. Потом – в одноэтажный барак с кухней общей. Накормили. Повели к будущему жилью. Постепенно узнали, что прибыли мы в Западную Сибирь, в город Прокопьевск. И находились недалеко от шахты № 5-6.

В то время Кузбасс шел по пути формирования урало-кузбасского индустриального комплекса, с упором на развитие угольной промышленности и металлургии. По запасам и качеству угля Кузбасс был крупнейшим каменноугольным бассейном мира. Общие геологические запасы угля в нем до глубины 1 800 метров оценивались в 733,4 миллиарда тонн. Географически здесь выделяли Кузнецкий Алатау, Горную Шорию, Салаирский кряж, Кузнецкую котловину и Западно-Сибирскую низменность. Климат тут

резко континентальный: зима холодная и продолжительная, лето короткое и теплое.

В январе 1928 года село Прокопьевское, где тогда интенсивно строили угольные шахты, ВЦИК преобразовал в рабочий поселок с населением 14,4 тысячи человек. К лету 1931 года здесь проживало уже 55 тысяч человек, и поселок преобразовали в город Прокопьевск. Он стал крупным промышленным центром страны. Его протяженность с севера на юг составляла 22 километра и с востока на запад – почти столько же. На этой территории находились 35 локальных территорий. Они появлялись там, где добывали уголь. Над ними возвышались копры шахт и терриконы. А под землей располагался еще один город, с темными проездами и улицами, по которым бесперебойно шел поток угля для советской промышленности, поднимающейся с колен после глубокой разрухи.

Накормили хлебом

Погода стояла теплая. Нас разместили в поселке Березовая Роща. Выдали хорошего хлеба по 500 граммов на человека. Зачислили в комендатуру. Отец пошел трудиться на строящуюся с 1929 года шахту «Коксовая». Позже – 25 декабря 1935 года – была принята в эксплуатацию ее первая очередь мощностью 1,5 миллиона тонн угля в год. Отец в шахте грузил лопатой уголь в вагонетки и убирал их в сторону, поэтому назывался откатчиком. Ходил он в одной и той же одежде и дома, и на работе.

Мать в первые дни после приезда в Прокопьевск положили в больницу с тифом. А через неделю в поселке Березовая Роща в одном из барачков нам дали жилье с клопами. В тот момент наша семья состояла из шести человек. Пока взрослые и подростки были на работе, малые дети оставались с бабушкой. Мне 15 лет. В шахту идти еще рано, поэтому меня посылали в совхоз полоть посевы и убирать урожай. Оплата была такая: кормили – вот и весь расчет. Самая хорошая еда – каша, но не всегда она была. Потом семье предложили жилье в новом двухэтажном бараке, нештукатуренном.

Мать все еще лежала в больнице. Готовила пищу бабушка. Отец приносил с базара картофель, брюкву, репу. Продавали на базаре также свеклу и молоко. Воду стали подвозить к барачку в бочке. На семью приходилось одно ведро воды в день. Выдали хлебные карточки. Детям полагалось 400 граммов хлеба в день, иждивенцам – 250, шахтерам – один килограмм. Кроме того, детям полагалось 600 граммов крупы, 400 граммов сахара и 400 граммов жира на месяц. Работающему – больше, иждивенцу – меньше. С голода не пухли, сытыми не были.

Немецкий гостинец

Наступил 1934 год. Мать вышла из больницы остриженной наголо. Но главное – осталась в живых. Это очень редкий случай. Большинство больных тифом умирало. Поправилась Елизавета Васильевна окончательно. Вместе с другими женщинами пошла трудиться на кирпичный завод: возить глину на тачке. Я ходил на прополку свеклы, моркови, картофеля. Зарплату не выдавали, но кормили. Так было до осени. Отец пошел на повышение: стал в шахте проходчиком. Работал с немцами, которые трудились на предприятии по договору. Выходные на шахте были по определенным числам. Приблизительно так: 6, 12, 18 числа и далее. Немец, напарник отца, однажды зашел в наш барак. Он принес три кусочка хлеба с маслом. Дал нам по кусочку.

Построили клуб

Спали мы в новом бараке № 95 поселка Северный, относившегося к Березовой Роще, на топчанах, то есть на досках. Под голову и под бока стелили полынь, чтобы не кусали клопы. Но это мало помогало, а жить было нужно. Кое-кто сбегал. Редко кто возвращался. На железнодорожном вокзале стоял пост по поимке беглецов. Нам положено было ходить из барака только по одному маршруту: на работу и обратно. Был ли я лишен прав? Понятия не имею. Но на праздничные демонстрации нас не пускали. Молодежь собиралась на поляне около барачков. Позже в Березовой Роще открыли клуб. Кое-кто женился, но свадеб видно не было. Да и не на что было их справлять. Кое-кто стал покупать велосипеды. Не в магазине, а на базаре или с рук. Нам было не до этого. Семья бедная. Приходилось быть тем довольным, что посмотришь глазами на диковинки. Некоторые люди были более-менее сытыми, так как получали стахановский паек.

Болезнь нельзя

Однажды я находился в соседнем бараке. Вдруг туда подъезжает конная повозка с тележкой, а в ней – комендант и женщина-врач. Они зашли в комендату, где был я. Назвали фамилию и спросили, где тот человек, к которому я иногда ходил беседовать на тему лошадей. Он был в следующей комнате без дверей. Прибывшие люди прошли туда. Мне все было слышно. Там лежал больной пожилой мужчина лет 60. Он работал на шахте конюхом, но в тот день заболел и на работу не явился. Комендант с врачом его спросили, почему не на работе. Он, лежа, ответил: «Болею, не могу». Тогда комендант сказал врачу: «Осмотреть и дать заключение». Врач сказала коменданту: «Этот человек инвалид второй группы, его нечего смотреть, ему за шестьдесят лет перевалило». И так она не стала смотреть. А через четыре дня тот мужчина умер.

Пальто и джамы

Появилась мода на сапоги джамы на низком каблуке, у которых голенище собиралось, как меха на гармошке. Стали некоторые люди ходить в пальто. Кое на ком были костюмы. В какой одежде остальные ходили, что носили? Большинство – спецодежда и мелестининовые костюмы. Обуты – кто во что: ботинки, полуботинки, чуни, галоши.

Мы пользовались фуфайками, а отец уже носил пальто. Купил он его на базаре очень дешево. Кто-то умер. У родственников была печаль, и они чуть ли не бесплатно отдали старое пальто. Ходили домой с работы в той же одежде, в которой трудились. Отец после подъема на клети из шахты, перед тем как идти домой, отряхивался от черной пыли, заворачивал в тряпку комок угля. В квартире топили этим углем печь и в тепле сушили его одежду, пока он спал. Развлечений не было. Но отец находил газеты, читал их и сам с собой разговаривал, получая от этого кое-какое удовольствие. Воду к нашему жилью подвозили в бочках на лошади и отпускали по талонам.

Все основное для жизни отпускали по карточкам или талонам. И кое-что можно было купить только на базаре. Магазины были харчевые. В них можно было получить продукты по карточкам. Люди вокруг были в большинстве своем мужчины до 50 лет. Такие, которые нечестно трудились, не встречались. Частыми становились несчастные случаи в шахте, люди также болели и с каждым днем убывали. Как окружающие относились к тому, что их товарищи погибали? Спокойно, как будто так и нужно было. Чему они верили, какому богу молились, была ли в силе религия? Нет. Это была борьба каждого человека за свою жизнь. Я жив – до остальных дела нет. Человек заболел и умер в больнице. Младенцы умирали. Люди не видели яблок, варенья, фруктов. Были лишь брюква и репа. Но люди, удерживаемые комендатурой, стали в тайгу ходить за ягодой. Хотя это и являлось нарушением, но за него особо не наказывали.

Среди нас были старики, женщины и девушки. Но девушек было мало. Изредка были свадьбы, где играла гармонь. В армию нас не брали. Дети ходили в школу. Жизнь шла своим чередом. Барачные люди чего-то ждали.

Выучился на каменщика

Зимой 1934 года я поступил в строительное училище. Срок обучения – полгода. Там кое-что преподаватели рассказывали, а мы записывали. Жить можно. Сдали экзамены, получили удостоверения каменщиков и хлебные карточки. Давали 800 граммов хлеба в сутки, а на месяц – крупу, сахар, жиры. И это – все, что положено. С голода не умрешь. Учеба

шла у меня не слишком хорошо. Я был моложе всех. Последний месяц нас посылали на объекты.

В Березовой Роще на строительстве домов на улице Кирова проработал один месяц. Мог камни, кирпичи носить и укладывать их не слишком хорошо. Поселок Березовая Роща состоял из нескольких более мелких поселков, окружавших шахту № 5-6. Метрах в 500 от шахты росли березы. Их было штук 30. Думаю, поэтому так назвали поселение. Оно было особой территорией, люди здесь жили по определенному режиму, о чем говорили названия улиц: НКВД, Диктатуры, Комендантская и Революции.

Говорили, что на улице НКВД жили немцы. Они размещались в отдельных домах и были чисто плотными. В каждом доме была хозяйка, которая мыла, стирала. Улицу Кирова вымостили песчаником, который возили на лошадях из каменных карьеров.

Березовая Роща объединяла пять поселков. Наш поселок назывался Северным и состоял из двухэтажных строений из досок, плит из стружек. Русский, Башкирский поселки и Центральный были из одноэтажных деревянных бараков. Немецкий поселок: двухэтажные дома из плит из стружек. Там жили немцы, которых обслуживал инснаб, а на работу возил красный автобус. По сравнению с нами они жили на широкую ногу.

125

Мы на работу ходили своим ходом. Это километров пять в одну сторону. И большинство передвигалось группами человек по 5-6, с топорами и кайлами. Кто трудился в шахте, не всегда пользовался мойкой. Чтобы не терять время, шел в грязной одежде в барак, сушил ее над печкой и снова шел на труд.

Я не знаю, сколько людей жило в Березовой Роще. Думаю, тысяч 30, хотя могу ошибаться. За Башкирским поселком было кладбище, которое круглые сутки принимало постояльцев.

Бабушкина голодовка

1934 год был чуть легче 1933-го. Получил зарплату – можно на базаре купить пшеницу и сварить кашу. При таком житье мать с работы рассчиталась, стало две хозяйки: она и бабушка Аксинья Ивановна. Тут надо уточнить следующее. Бабушка приехала из Красавки в Прокопьевск добровольно. Она могла остаться в своей деревне или уехать к дочери в Саратов, но предпочла муки вместе с семьей сына Егора. Поэтому ее не поставили на учет в комендатуру. А коли нет в списках, то нет и малого иждивенческого пайка хлеба, нет и кружки воды по талону. В бараке в Березовой Роще стола у нас не было. Обедали на полу. В 1934 году бабушка объявила голодовку. Это все было на моих глазах. Она не стала принимать пищу, ссылаясь на то, что она нам – не помощник, а

только мешает. Такая смерть – тяжелая. Прошли две или три недели. Вечером начался с ней приступ.

В это время мы все жили в одной комнате, потому что в другую подселили вновь приехавших в город людей. Комната спасала от дождя, ветра и холода. Больше деваться было некуда. Аксинья Ивановна перед смертью попросила меня: «Трофим, принеси холодной воды». Я обратился к матери и нашей дальней родственнице Марфе. Они были на кухне, говорили, что плохо Аксинье Ивановне, и посоветовали сходить на улицу и у кого-нибудь попросить воды. Но здесь, если был у кого-то колодец, то он его запирает на замок, чтобы никто не притронулся к свежей воде.

Я мог свободно принести бабушке воды только из болота. Но в этот раз пошел я к колодцам и стал ждать, когда кто-нибудь придет сюда за водой. И вот к одному источнику подошла женщина, открыла замок, подняла крышку, загремела цепью.

В это время я уже был около нее. Она сразу предупредила: «Не подходи, не дам воды». Тогда я издали рассказал обстановку и для кого нужна вода, что человек свежую воду из колодца выпьет в последний раз. Женщина распрямилась и сказала: «Тогда подойди с котелком поближе». Я подошел, она из своего ведра налила воды больше половины котелка. Я сказал: «Спасибо». Сам не дотронулся до воды. Пришел домой.

Бабушка о чем-то говорила с Марфой и, увидев меня с котелком, спросила: «Принес воды?» Я сказал: «Принес из колодца». И добавил: «Никто ее не пил». Она сказала: «Спасибо». Я подал котелок, она попила, посмотрела на меня и сказала: «А теперь ты попей, если хочешь». Попил и я. Она на меня посмотрела и сказала: «А сейчас до свидания, я умирать буду». Я ничего не ответил и вышел из этой комнаты. Дело было вечером. Подошел с работы отец. Аксинья Ивановна, я слышал, и ему сказала: «Егор, я умираю». И умерла. Ей было лет 70.

Я признаю эту женщину за героя, который для других пожертвовал своей жизнью. По-моему, она имела хорошее здоровье от природы. Уверяю, она в той силе могла прожить еще не меньше 15 лет.

На другой день – похороны. Сделали гроб, одели бабушку, положили в гроб. Нужно нести, а могилы нет. Егор пошел к старшему барака. Он дал четыре человека, чтобы до кладбища донести. Это было не так далеко – полтора-два километра. Чуть в горку и под горку. Донесли до кладбища. Люди ушли. Мы с отцом выкопали могилу, опустили, закопали гроб и пошли домой. Сделали помины. Сварили кашу, помянули бабушку и легли отдыхать. Дело сделано, но семья стала меньше. Думала ли бабушка, что ее по-

хоронят в Сибири? Нет. Так бог распорядился. И могла ее ушла в шахту. Ребятишки бегали по тем обвалам и видели торчащие из их обрушившихся краев гробы. Что поделаешь, такое было время. Но тогда кладбище работало день и ночь.

Я знаю такой случай. У одного шахтера умер ребенок, он стал просить начальника отпустить пораньше с работы на похороны. И услышал в ответ: «Успейте после работы похоронить». Поскольку работа длилась по 14 часов, то похороны были ночными.

Служил ямщиком

Осенью 1935 года пришел на стройку в Березовой Роще заведующий здешним конным двором. Он спросил: «Кто может на лошадях работать?» Нашлось двое, в том числе и я. Повел нас заведующий «живым автопарком» на конный двор, показал телеги, лошадей. Предупредил: «Завтра с утра приходите и приступаете к работе». Лошадей я уважал, и они мне послушно служили. Брал в руки вожжи – у меня и коней сразу менялось настроение, поднимался дух. Они качали головами и будто говорили: терпи и останешься в живых. Они по запаху знали мое имя, только не говорили слово «Трофим». Описать это невозможно. Все заложено в этих животных природой. Какое у них чутье. Как они могут поднимать настроение. Это я знаю. С машиной лошадь сравнить нельзя.

126

На следующий день я запряг две лошади и отправил их за мастерами-строителями. Проехал четыре километра. Привез мастеров в контору. Зашел туда, выпил стакан чая, съел булочку. Потом пошел лошадей кормить, а вечером домой мастеров отвез. Зимой морозы подходили к минус 50 градусам. Иногда температура воздуха опускалась до минус 52. Лошади задыхались. Нужно было им ноздри ото льда очищать. При низкой температуре ломались оглобли, если нужно было заново запрягать пару лошадей. А если пурга, то белого света не видно. Но я в любую погоду запрягал. Лошадь привыкает к человеку, как собака. Если надо, кони будут тянуть телегу по колесу в грязи. При мне была пара лошадей желтых. Лошади государственные. И они меня делали веселым, довольным. На них можно было съездить по своим делам, но их у меня не было. Мне было всего 17 лет.

Одет я был так: рубашка, кальсоны, стеганые штаны, фуфайка, плащ брезентовый. Получал карточку на 800 граммов хлеба в день. У меня в голове не было, что мне еще что-то нужно. Еще была пища – кисель из брюквы. Были доступны вода, кипяток и что сам найдешь. Или что тебе дадут другие люди. Харчи моего обеда: хлеб, кипяток, кое-когда – с сахаром чай. Работа длилась по 12 и больше часов. Никакой доплаты. После хлебных карточек был оклад – 80 рублей в месяц.

Возил прораба

К строящейся школе в Березовой Роще я приезжал на лошадях в 1935 году, когда привозил сюда прораба. Это был Владимир Яковлевич Фукс. Его рост – полтора метра, по образованию – техник, у него жена – врач, семья – семь человек. По национальности еврей. Со мной обращался по-человечески. Убрал его 1937 год. На строительстве домов и других объектов Березовой Рощи работали китайцы и трудовые переселенцы. В основном строили вручную. Механизмы – тачка и лопата. Была, правда, бетономешалка.

Я на лошадях возил камень, шлак, песок. Они выполняли мои указания в любую погоду, и меня это радовало. Забывал все невзгоды и делал вывод: какой жеребец – такой и жеребенок. Мои животные за сто метров слышали мои шаги, ставили уши топориком, поднимали их вверх. Они понимали слово «дружба». Они слышали мое дыхание, шли в ногу, сами подбирали ногу, так им было легче везти экипаж. Они мне создавали радость, поднимали настроение, говорили: «Живи, Трофим». Может это сделать велосипед? Нет. Это мертвое творенье без души. А так – время идет. И с ним проходит жизнь человека.

Протестовали китайцы

В конце сентября 1935 года меня срочно вызвал заведующий конным двором. Зашел в кабинет. Он сказал: «Трофим, поедешь далеко, возьми для лошадей по норме овса, а сейчас иди и запрягай их, поедешь на Тырган, к общежитию. Там выйдет китаец-переводчик и скажет, куда ехать дальше». Ушел от начальника, подмазал экипаж, напоил лошадей, получил овес. Запряг пару. Поехал на Тырган, дорога – сплошная грязь, хотя пара лошадей тележку легко везла. Дорогой подвязал своим рысакам хвосты, чтобы по грязи не волочились.

Подъехал к общежитию. Вышел китаец лет 40, высокого роста, сухощавый. Спросил, как меня зовут. Ответил: «Трофим». Он сказал: «Это имя не забудешь». Сел в телегу. На нем был серый плащ. Китаец сказал: «Поедем в столовую, там позавтракаем, потом – дальше». Подъехали к столовой, он говорит: «Пойдем со мной». Обед был подан на двоих: суп, котлеты, компот. Пообедали, сели на телегу. Я пошевелил вожжами, и мы поехали. Он спросил: «До Шарапа знаешь дорогу?» Мой ответ: «Знаю». Он продолжил: «Как ехать дальше, потом скажу». Он говорил по-русски свободно. Вот его слова: «Куда мы едем, там – забастовка китайцев. Бастуют. Они воевали с японцами и отступили в Россию». По его словам, это была Квантунская японская армия. Доехали до Шарапа, поднялись в гору. Он показывает: «Вот – дорога, по ней нужно

ехать двадцать километров». Эта дорога была выше, грязи стало меньше. Поехали быстрее.

Проехали те версты, показался длинный сарай. Это была столовая. Вокруг нее – много народа. Переводчик сказал: «Поворачивай к столам». Столы были из досок сбиты длиной 20 метров. Китайцы были одеты во что попало. На ком куртка грязная, рваная. Кое на ком фуфайка рваная, грязная. Головной убор – шапки, тряпки. Это были бывшие китайские солдаты. Переводчик поздоровался с их командиром. В этот момент полетели в нас гнилая картошка, свекла и комки земли. Мои лошади стали фыркать и трястись. Я слез с козлов, взял поводья в руки. Переводчик встал на телегу и стал громко говорить по-китайски. Перестали бросать чем попало в лошадей и в нас. Он говорил с полчаса, потом обратился ко мне: «Трофим, покорми лошадей». Я выпряг их, хомуты не снимал, принес сена, положил в тележку, лошади успокоились, стали есть.

Переводчик говорит: «Пойдем обедать». Зашли в столовую. Был отдельно накрыт стол на двоих. Пообедали. Я вышел на улицу, дал овес лошадям, потом напоил их. Подошел переводчик и сказал: «Трофим, запрягай пару, дорога – дальняя». Запряг, сели, поехали. Он мне рассказал, почему бастовали. Из-за плохого питания. В суп клали немного картофеля, а остальное – листья от свеклы. Сейчас я думаю, где же он учился? Он поднимался на телегу – говорил по-китайски, спускался – говорил по-русски, писал, читал по-русски.

Награда – взгляд коня

На конном дворе был кузнец, лет 50, среднего роста, темно-русый, сухощавый, из ссыльных. Он подковывал лошадей. Мне доводилось водить к нему лошадей, на которых работал: подковывать их, подтягивать им подковы. У него был специальный инструмент. Он сам сделал все приспособления. Можно их было показывать на выставке. И он все красиво держал в своих руках. Он любовался своей работой и делал ее так, что комар носа не подточит.

Закончит работу, оботрет руки о фартук и смотрит, как пошла лошадь. В его новых подковах она никогда не хромала, была довольна. Кузнец работал красиво. Сказал ли кто ему простое слово: «Спасибо»? Лошадь говорить не может, только смотрит на него ласковыми глазами. Эту награду он получал от животных. Очень сложна природа. Познать все человеку невозможно. Существование его на планете короткое. Не знаю последствий жизни этого кузнеца. Таких людей в то время убирали. Передал ли он свою красивую работу молодым? Думаю, что нет. У нас тогда это было не в моде.

Лошадиный доктор

На конном дворе был свой ветеринарный врач. Его чин не велик. Доктор появлялся на службе в чистой рубашке и в чистых ботинках. Ему было лет 40. Он знал животных. Знал, как их подковать, как кормить, напоить, какой мазью помазать им рану. Отличал свинью от коровы. И знал, кто из них какую пользу приносит человеку. Ходил он по планете гордо и знал себе цену. Этим и был доволен. Его арестовали в 1936 году. Таких власть не уважала, хотя он был ангел, чужого не брал, никого не оскорблял. Проще – мастер своего дела. Из жизни такие люди уходили раньше других, даже не передав своего мастерства своим детям, внукам. Это я заметил еще в детстве.

Механик с образованием

В конце 1935 года мне дали лошадь, на которой возил одного специалиста – 40-летнего главного механика стройконторы Георгия Федоровича Филатова. Он человек грамотный. Какой вуз окончил, не могу знать. Был послан в Сибирь на пять лет. Он, можно сказать, земляк по моей малой родине. Его отец имел в Саратове на Волге пароход. Когда-то его жена работала в радиоузле диктором. Жил он в достатке, держал домработницу. Управлять лошадьми он мог лучше меня. Иногда Филатов с иностранцами спорил. Думаю, он не знал, кто жил в нашей колонии, хотя жизнь таких людей, как я, он видел и понимал.

Он хотел с меня снять присылку в Кузбасс, потому что чувствовал: комендатура загонит меня в шахту. Филатов предлагал мне стать учеником токаря или высоковольтного электрика: «Трофим, запишу тебя на курсы электриков». Ничего я ему не ответил. Он сказал: «Тогда ты погибнешь». И это было правильно. Я остался в живых случайно. За счет молодых лет и душевного спокойствия.

Заплатили сверхурочные

У главного механика стройконторы Георгия Федоровича Филатова, которого я возил на лошади в бричке, был друг-прокурор. Я их вместе на том же гужевом транспорте порой доставлял на охоту. Однажды прокурор сказал мне: «Трофим, ты с темна до темна с лошадьми, и никто тебе за переработку не платит. Напиши мне заявление и в нем укажи, в какой день, сколько лишних часов отработал, я подпишу, и тебе оплатят». Я написал, приехал к нему, он подписал: «Оплатить в суточной срок». Привез бумагу в контору, отдал бухгалтеру. Он там расписался. Я спросил: «Что, не будешь платить?» Он сказал: «Сейчас заплатим». И выдал 120 рублей. Но эти деньги были заплачены со злом.

На тяжелый труд

Вскоре мне сказали: «Кучером ты не должен быть, тебя привезли сюда на самый тяжелый труд». Летом 1936 года вызвали в комендатуру и сначала послали в совхоз на две недели. Там сказали, в какое отделение идти. Пришел я в это отделение. Столовая – на улице. Там, где можно было отдыхать, стоял огромный шалаш из соломы с печкой-буржуйкой и нарами, застланными соломой. Кое-когда печь топили. Но я догадался, что там море вшей. Что же делать? Были люди и кроме меня, которые так же думали. И они спали на улице в стогах. Выкопаешь себе в скирде сена нору и там скрываешься ночью. А в прохладное время ищешь другое место, где можно согреться. В конце второй недели, когда уже были отработаны дни, я зашел в шалаш, чтобы дожидаться старшего и взять справку. Задремал. Люди пошли на завтрак.

Я проснулся, нашел старшего, взял справку и побрел с полей в свой барак в Березовую Рощу.

Нужно было пройти восемь километров. Прошел километра два, а дальше не могу идти: заедают вши. Подошел к попавшемуся на пути пруду с тихой стороны. Снял рубаху. Вся она была усыпана вшами. Взял щепку, какая под руки попала, и начал соскребать кровососов с рубахи, потом – со штанов. Погрузил все в воду, думал, они захлебнутся. Солнце светило. В затишье можно было посидеть и голому. Подсушил одежду, а голову не открутишь. Двинулся дальше. Пришел домой, рассказал все матери. Она затолкала в чугунок мою одежду для прожарки. Голову помыл в горячей воде и прочесал свои вихры частым гребешком.

Жить стало легче. Такое в своей жизни пришлось пережить один раз. Через некоторое время мне снова повторили, что привезли меня не слугой быть, а на самые тяжелые работы. И осенью послали копать картошку в совхоз. И там я пробыл семь месяцев. Нас туда нагнали сотни. Работали словно проклятые.

Люди сюда были привезены из Тамбова, Саратова, Орла, можно много перечислять других городов. Работали здесь же китайцы, японцы, немцы. А также – татары, башкиры, чувашаи, марийцы и мордва. Что делали? Добывали уголь, обрабатывали землю, согревали страну, строили гигантские заводы, где варили металл для нашей планеты, которым скручивали ее, чтобы она не развалилась.

Война классов

Напиши кляузу на своего отца – мы тебя примем в комсомол. Такими были принципы того периода. Мне довелось видеть в 1936 году, как люди в шахте отбирали кандалы друг у друга.

Один человек рассказывал, что из европейской части страны зимой на санях их повезли сначала в Казахстан. Не доезжая до селения их встретила толпа людей. Доехали сани до толпы, полетели камни. Кто-то остановил произвол. Но так были натравлены люди друг на друга. Армия, НКВД, вооруженные люди против детей, стариков. Впереди был комсомол. Самое большое мое удивление в том, как может человек все перенести: голод, холод, нечеловеческий труд. Сказать, что человек жил, нельзя. Существовал – это правильно. Он плодился, нарождались дети. А вот этого понять не могу. Он имел совесть, несмотря на то, что его заставляли шуметь, оскорблять другого.

Глава четвертая **МОИ ПОДЗЕМНЫЕ ЛАБИРИНТЫ,** **1936–1941 годы**

Направили на «Коксовую»

Принес я справку в комендатуру о том, что на селе отработал положенное время. Комендант предложил работу поближе к бараку – на шахте «Зиминка». Я попросил не посылать меня туда, так как отец работал на «Коксовой» имени Сталина. И комендант дал мне туда направление.

Территория шахты была опутана колючей проволокой, стояли часовые, хотя никто ничего не воровал. Пришел в комбинат шахты. Внутри там был большой зал, из зала по левую руку – участки шахты. Их было в то время штук 16. У каждого – двери. И рядом – маленькое окно. Подходишь к этому окну, стучишь, открывает секретарша. А начальник от нее – метра за два. Говоришь: «Пришел на работу устраиваться». Подаетшь направление коменданта. Она передает начальнику. Он говорит: «Посмотри». Она высовывает голову в окно. Посмотрела, что-то сказала начальнику. Тот пишет приемную записку, она отдает ее поступающему.

Ходить с приемом долго не надо: к одному врачу. Пошел на комиссию. Врач был мужчина лет 45. Когда я вошел, он предложил сесть. Спросил, хочу ли я работать под землей или нет? Если нет, то он обещал найти что-нибудь другое. Я побоялся другого предложения и согласился спуститься в шахту. Приняли откатчиком. С этого же начал шахтерский путь мой отец: грузил уголь лопатой в вагонетку и откатывал ее в сторону. Я получил чуни, литые из резины, с дырками по бокам.

Помню, моим мастером был молодой инженер Николай Иванович Линденау (1911–1995). Он выпускник горного факультета Томского индустриального института. Через год стал начальником технического отдела нашей шахты, а затем возглавил шахту «Черная Гора», позже 15 лет руководил Восточным научно-исследовательским институтом по безопасности работ в горной промышленности.

С его именем, как потом напишут в специальных журналах, связано совершенствование систем разработки угольных пластов и внедрение в шахтах комплексной механизации.

В декабре 1985 года было 50 лет шахте «Коксовая». Мне был передан устный привет от Линденау. Он спросил у одного пенсионера, кто остался в живых, тот сказал: «Еще живой коногон Трофим». Он сказал, что помнит меня молодого и попросил ветерана передать мне привет. Получил я этот привет и удивился. Прошло много лет, но горный инженер сохранил в памяти образ коногона, хотя перед его глазами прошли тысячи таких, как я. Ведь тогда каждую неделю в Прокопьевск по железной дороге подвозили новых людей эшелонами.

Лопата с крючком

На «Коксовой» меня направили работать в первую, то есть утреннюю, смену. Пришел в комбинат, сел на лавку, вышел мастер, стал делать наряд. Послал меня работать с женщиной, которых в шахте тогда было немало. Пошел я в мойку, разделся, облачился в кое-какую спецодежду, встал в очередь, чтобы получить лопату. Тут была огромная очередь. Получил лопату с крючком, пошел в клеть с напарницей. Поехали на лифте под землю. Никакого страха не ощутил. Дошли до места. Это была огромная нора, подкрепленная бревнами там, где сверху текли потоки холодной воды. Нашли мне черенок к лопате. Подкатили вагон. И начались горняцкие будни: бери больше, кидай дальше.

Дня через четыре меня послали перекидывать уголь с мужчиной. Это был человек лет 40, по фамилии Тололаев. Он сказал, что мою лопату нужно снести в механический цех, чтобы ее подрубили. И тогда ей можно будет нормально работать. Так и было сделано. Помог он мне наладить и освоить веками незаменимый шанцевый инструмент. И мы с Тололаевым проработали пару месяцев. В это время в шахте трудились русские, немцы, китайцы и горняки еще нескольких национальностей. Людей хватало, так как каждую неделю эшелоны подвозили новых. Ходили артелью за два часа раньше до смены и на два часа позже после работы. Было три рабочих смены. В шахтовых резиновых чунях я уходил домой. Вымою мокрый и грязный носок, сухой надему и – пошел отдыхать. Позже тот мой напарник работал с чехом и немцем. Мастер мог оскорбить. Был один выход: с ним не связываться, не оговариваться, иначе уморит голодом или посадит в тюрьму.

Как получали наряд-задание на работу? В кабинет начальника пройти невозможно. Он людей, ему подчиненных, всех не знал в лицо. Они сидели в зале ожидания. Горный мастер заходил в кабинет.

Выйдя из кабинета, расставлял людей по местам шахты. И они шли в мойку переодеваться. Подходил ли кто к начальнику с житейским вопросом? Нет. Жилья? Нет. Воды? Нет. Ему нужна была работа. Для него было безразлично, где ты живешь: в трубе, в земле, как ходишь на работу. Ему это не нужно было. Он знал: никто никуда не убежит.

У каждого своя гордость

Как я уже говорил, на шахте «Коксовой» перед 1937 годом работало много немцев и чехов. Они никого не оскорбляли. Могли держать топор, лопату и пользоваться другим инвентарем. Снабжали их харчами и платьем в особом магазине. Мне не пришлось быть в таком магазине не потому, что не пропускали. Пройти было можно, чтобы посмотреть на ассортимент товаров. Наши люди не заходили в инснаб, потому что имели свою гордость.

Иностранцы в наш буфет на шахте тоже не заходили. Они одеты были по сезону, возили их на работу и обратно на автомобиле. А мы передвигались исключительно пешком. Можно было отличить их от нас по лицам. У них лица были свежей уверенного хозяина колонии. Это были культурные люди. Если иностранец увидит оборванного, опухшего от недоедания местного ребенка, не бросит ему кусочек хлеба, а подойдет, подаст в руку и скажет: «Кушай». Кем эти иностранцы служили? Среди них были рядовые проходчики, а также механики и электрики. В конце 1936 года, словно почувствовав неладное, иностранные специалисты покинули шахту.

Из Нарыма направляли в Кузбасс

В то страшное время со мной в паре работал товарищ из ссыльных кулаков. Но сначала он жил в Нарыме. Эта таежная комариная местность севернее Кузбасса – в Томской области. Оттуда его привезли эшелонам и спустили в прокопьевскую шахту. Звали его Григорий Муковников. Года два с ним я работал. Ему было лет 30, его рост 175 сантиметров. Но одни кости и жилы, которые были из стали сделаны. Он был способен сутками работать. Что мы с ним делали за 12 часов, то делали 10 человек. Он был женат, у него две девочки. Его жена очень хорошо готовила. Он был честен, справедлив.

Мне этого человека лет через 15 пришлось встретить на прокопьевском базаре. Он уже стал дедом, но остался таким же сухим, как щепка. Он увидел меня и подошел.

Я вижу, что у него слезы на глазах. Говорю: «У тебя горе какое или беда?» Он: «Нет, Трофим, ни горя, ни беды. Я просто вспомнил, как мучился и как в живых остался. Когда приснится прошлое, вздрагиваю, чего-то боюсь». И вот другие его слова: «Приснился сон, что мы с тобой работаем. Проснулся, по

спине мороз пробежал, я ощущал себя, убедился, что это был сон, и больше в эти сутки не уснул».

Григорий Муковников рассказал мне про случай в Нарыме. Шел 1933 год. Он трудился в артели лесорубов. В тайге они заготавливали хвойные ветки и из них выпаривали пихтовое масло. Артель состояла из восьми человек и работала далеко от жилья. За лесорубами были закреплены пять лошадей, на которых подвозили хвою. С питанием в межсезонье было плохо в тайге. Среди заготовителей леса был сын заведующего конным двором. Он предложил зарезать лошадь, чтобы не умирать с голода. Решили в случае чего сказать, что лошадь пропала, а найти ее не смогли. Так и сделали. Закололи лошадь. Мясо, кишки и все потроха, загородив ручей хворостом, сложили в воду. В ручье вода была холодная, как лед. Брели мясо оттуда, рубили топором, варили, съедали конину, а бульон выпивали. Как будто ожили. И дела пошли лучше.

Отбыли сезон, приехали в поселок, сдали масло пихтовое, лошадей. А про ту лошадь, которую съели, никто не спросил, как будто ее и не было. Прошло года три. И сын спрашивает отца на конном дворе: «Ты помнишь бурого мерина?» Тот отвечает: «Помню, но что-то давно его не видел». Сын: «Так мы его съели в 1933 году, а сейчас 1936». Отец все бросил. Побежал к коменданту. То был молодой лейтенант. Вечером всех вызвал, расспросил, как дело было, и сказал: «Вы видите, что делается сейчас». Лесорубы начали просить помилования, чуть не вставая на колени. Все же восемь человек упростили одного. И комендант сказал: «Идите домой, а я подумаю». Обошлось тем, что восемь человек заплатили за мерина, которого съели. Вот какие люди жили в Нарыме и в Прокопьевске. А где была малая родина этих сибиряков, я не знаю.

Простояли всю смену

Случилось то, о чем не подумаешь. Работали на погрузке угля в ночь. Стоял нагруженным состав угля из 12 вагонеток. Была дана заявка на порожние вагоны, а их не давали. Прошел час. Я подошел к телефону, повторил заявку на порожняк и спросил: «Скоро ли пришлют электровоз за углем?» Диспетчер ответил: «Скоро». Еще через час пошли звонить мои помощники. Им так же ответили: «Порожняк скоро будет». Потом я пошел звонить. И так всю ночь мы не давали покоя диспетчеру, а нам не давали порожних вагонеток. Под утро пришел горный мастер. Помню его фамилию – Иванов. Он спросил: «Сколько вагонов погрузили?» Я ответил: «Ни одного». Он схватил палку – и за мной. Я бежать, он с палкой – к мотористкам и успокоился тем, что нас арестуют.

Вышли мы на поверхность. Я помылся в мойке, начальник дождался меня и повел в дежурку. Там

130

уже находились мотористки. Меня им пришлось подождать. Бояться чего-то? Мне это в голову не приходило. С мотористками зашли в отдельный кабинет. Там был человек из особого отдела НКВД. Он волновался, поэтому не сидел, а стоял. Горный мастер сидел около стола. Спросил меня незнакомый человек: «Сколько раз я звонил диспетчеру насчет порожняка?» Я ответил. Он: «Видел ли я горного мастера?» Тоже ответил, как было. Мне сказали: «Иди домой». А горного мастера я уже больше не видел. В тот же день у нас был другой мастер. А в голове моей на тот момент была лишь одна думка: остаться в живых и не погибнуть с голода.

Подземный кучер

После двух месяцев работы откатчиком на подземной погрузке угля мне снова дали лошадь. И я стал подземным кучером – коногоном. В темной шахте снова рядом со мной была лошадь, которую я опутывал цепями и возил с ней вагонетки с углем. Эта работа была полегче, но опасная. Подошел к лошади, прицепил вагонцы. Но они могли забуриться, то есть сойти с рельсов узкоколейки. Отвез я порожние вагоны поближе к забою, потом привез груженные на выгрузку к бункеру, откуда уголь другими путями шел на-гора, то есть на поверхность земли. А природа между тем делала свои дела. Проходили весна, лето, осень и наступала сибирская зима.

Барачные разборки

Шел все тот же 1936 год. В это время в магазине уже можно было купить прозрачную, как слеза, водку и синий-синий денатурат. Люди стали понемногу выпивать, но – строго в выходной день. О прогулах разговора не было. Пьяного увидеть невозможно было. Однако разборки бывали. Например, в нашем двухэтажном бараке в квартире первого этажа жил мужчина лет 40. Семья – человек пять. Над его квартирой – другой, лет 50. Его семья – четыре человека. Дело было весной. Часов в пять утра человек со второго этажа вышел на улицу и стал копать землю под грядку напротив своего окна. С первого этажа мужчина увидел, что напротив него копают землю, выпрыгнул в окно без рубахи и стал возмущаться. Человек со второго этажа своей лопатой сломал плечо и руку мужчине с первого этажа. Вот какая была ненависть и зависть. Чем можно объяснить это? Хотя у матери моей под барачными окнами тоже была грядка с зеленью. И никто на нее не набрасывался.

Уходили в неизвестность

В 1937 году я продолжал служить на должности коногона. И со мной рядом всегда была закованная в цепи лошадь. Она мне подчинялась. Это умное животное. Но разговор сейчас не о ней. В тот год

люди, приехавшие со всей страны наращивать мощь Прокопьевска, стали убавляться пачками. Наступала ночь, приходили в дома сотрудники НКВД и уводили людей в неизвестном направлении. В то время еще не появившийся на свет ребенок уже мог называться сыном или дочерью врагов народа или их пособников. Как объяснить внукам, что люди были лишние и их убирали? Это было выгодно – взять из человека все силы, потом убрать его. Не нужно платить пенсии.

Вот горный мастер Иван Иванович Петренко, среднего роста, темно-русый, хромой. У этого человека лодырей не было. Все трудились. Он никого не подгонял. Но его убрали на вечность. Научил ли он своему таланту молодого? Нет. Его золотые руки могли держать топор, лопату, молоток. Передал ли он свой опыт молодым? Нет.

На работе стало больше травм, завалов. Люди боялись, шли в опасные места и там погибали. Немцы, чехи, как уже говорил, чуть раньше уехали с шахты «Коксовой». Когда красный автобус с ними уходил, на улице можно было подобрать окурки. Остались на шахте башкиры, татары, русские. Они не хуже иностранцев трудились. Стали специалистами своего дела. Оставались также в шахте трудиться люди с прозвищами кулаков. Начальник их оскорблял, как хотел. А мне лучше этих тружеников не приходилось видеть. Они имели совесть.

137

Ночной конвой

Однажды в 1937 году я вышел из шахты после второй смены очень поздно. Ведь мастер мог держать меня столько, сколько хотел. Вот и я до 12 ночи должен был работать, а вышел из шахты в три часа следующего дня. Помылся в мойке. Иду по тихой улице в рабочих гремящих ботинках. Вдруг чувствую, что кто-то толкает меня сзади. Оглянулся. Там – море людей, не меньше тысячи, кругом кавалерия и собаки. Мне подали команду: «Отойди в сторону».

Отошел. Подъехали ко мне на лошади и спросили: «Откуда ты?» Сказал: «С работы». Они: «Кем работаешь?» Я: «Коногоном». Документ у меня был – пропуск. На нем написано: «Коногон». Они посмотрели пропуск и отдали назад. Сказали: «Спускайся в канаву, иди в противоположную сторону. Когда нас не будет видно, пойдешь, куда тебе нужно».

Предчувствие ареста

Мне довелось видеть отца, бывшего офицера русской армии, в разных ситуациях. В годы изгнания он ходил в потертом пальто, подбирал выброшенные газеты, чтобы почитать их, но в себя бросать окурки не разрешал и оскорблять себя не

позволял. Говорил: «Я – офицер». Он мог своим горбом добиваться успехов в сельском хозяйстве, держать в руках метлу, веник, лопату, топор. Я хорошо помню последний разговор со своим отцом – Егором Степановичем Шалакиным. Тогда я уже и сам чувствовал, что он стал побаиваться нежелательно для него разворота событий.

И в 1937 году он говорил мне: «Трофим, что-то много людей забирают. В случае если меня заберут, ты не бросай семью – мать и братьев, вывези всех из Сибири в теплый край и оставь там, а сам живи, как удастся». В июле 1937 года отца арестовали. Для нас это событие было намного страшнее ссылки, так как семья была окончательно выброшена за борт жизни. За таких людей никто не отвечал. Можно их было избить, насиловать, только скажи, что отец был взят в 1937-м. В школе могли детей арестованных родителей бить, на учебу в техникумы не принимать. И мы в который уже раз начали жить без отца. Известий о его судьбе не было.

Матери пришлось устроиться на обогатительную фабрику отборщицей породы из угля. Взяли мы с ней ношу на двое плеч и потянули лямку. Кое-как концы с концами сводили. Хлеб ели, варили лапшу. Но в отношении отца меня почему-то никто и никогда особо не упрекнул. Может быть, потому, что я в споры не ввязывался и обходил их. Лучше это или хуже? Вероятно, люди понимали, что шла очередная политическая кампания. Да, время было такое. Оно прошло. Никто его не оспорит. Что у меня в ту пору было, все отдавал государству, не жалел себя и старался находить выход из любой самой сложной ситуации.

Сватовство у калитки

Это было в 1938 году. В гордом одиночестве я шел по улице из частных домов. Было лето, 16 часов. Около одного из домов стояла женщина лет 45, рядом с ней – девушка лет 18. Почти дошел до них. Они были от меня метрах в восьми. Больше людей не было, только мы трое. Женщина подала сигнал: «Эй, парень!» Я догадался, что это мне. Остановился. Женщина продолжила: «Бери замуж, тебе с такой девушкой жить легче будет». И показала пальцем на барышню.

Прошел мимо. Что я мог сказать? Подготовлен ли был к ответу? Нет. Я женщин обхожу стороной. Да, еще я не говорил: некоторые так и остались неженатыми до смерти. Нищета, голод – не игрушка.

Учился в техникуме

В 1938 году угольная шахта «Коксовая» имени Сталина была признана лучшей в Советском Союзе. И в этом же году, несмотря на недавний арест отца, я смог поступить в вечерний техникум горных специа-

листов. Направление туда дал мне мой начальник. Пошел сдавать экзамен. Принимал его завуч мужчина. Я написал диктант. Преподаватель проверил его и подал мне. Там больше ошибок, чем сам диктант. Мне неудобно, но что сделаешь? Завуч посмотрел на меня и сказал: «Слушай, Шалакин, можешь написать автобиографию?» Сказал: «Могу». Завуч: «Напиши». Я написал. Он прочитал и сказал преподавателю: «Зачислить». Мне сказали: «Приходи учиться». И я приступил к науке. Учился средне. Какую цель имел? Никакой? Отец Егор все забрал с собой, а нам оставил борьбу за жизнь. А я ни о каком своем будущем не думал. Однажды пошли на перемену в техникуме. Стал проходить около стола учительницы. Она: «Шалакин, останься». Я остановился. Это была женщина небольшого роста, лет 50. Она сказала: «Слушай, Трофим, я смотрю на тебя: какой ты сын кулака? По характеру времени мы тебя должны исключить из техникума. Исключать не будем, если ты напишешь ходатайство в Верховный Совет о снятии притязаний». Я сказал: «Напишу».

Заявление в Верховный Совет СССР о том, что никакого отношения к врагам государства не имею, я написал и послал. И остался учиться. Проучился полтора года без отрыва от производства, до 1940 года.

Книжная революция

Однажды осенью 1938 года я шел с работы после второй смены. Был третий час ночи. Дохожу до клуба шахты имени Ворошилова. Это большое здание. Около ворот и городьбы клуба стоят двое мужчин и женщина. Им лет по 30. Озабоченные лица. Когда поравнялся с ними, они сказали: «Постойте».

Я остановился, брать у меня нечего, да и терять нечего. Говорит мне мужчина: «Вот мы изъяли книги, где упомянуты враги народа». Одну фамилию помню – Бубнов. Мне сказали: «Эти книги мы уничтожим. Но нам нужно, чтобы одно постороннее лицо подписало акт об этом. Пойдем с нами в подвал». Пошли все трое в подвал. Там лежала гора книг, рядом была топка кочегарки клуба. Спрашивают меня: «Будешь присутствовать при уничтожении?» Я подумал, да мне за сутки не просмотреть, не то чтобы перечитать эту гору. Они: «Тогда ты на нас надейся». Что делать? Бежать некуда. Подписал разборчиво акт и ушел. А кому я нужен? Где я был, никому не рассказывал. И до сего дня об этом знаю я один.

Опасные забои

До 1939 года хлеба вроде ели досыта. После работы можно было сходить в клуб шахты № 5-6 имени Ворошилова, где кое-когда показывали кино или организовывали танцы. Молодежи было много, особенно мужчин. Это потому, что девушки могли в

ссылку не попадать. Если девушки во время набора людей в Сибирь где-то работали или были в прислугах, за такими не гонялись. Их ссылка могла обойти стороной. Кое-кто женился. Но началась финская война. Кулаков и их последышей не брали на войну.

В шахте стало пахнуть недостатком людей. Травмы происходили каждую смену. Мне пришлось быть на похоронах одного забойщика. Нас отпустили на два часа пораньше с работы. Человек 10. Была дана лошадь. На подводе лежали лопаты и крест. Покойник был закрыт. От гроба запах невыносимый, потому что его на четвертые сутки из-под завала достали. Восемь километров тело попеременно несли. Закопали. На поминки – никакой лапши или стопки. Почему люди шли на смерть? Потому что напуганы были до смерти.

Прокатился на велосипеде

В нашей смене работал забойщик Бочкарев. Жена у него – швея. Впоследствии он уехал в Уфу. Как-то шли мы с ним с работы перед выходным днем. Он спросил: «Трофим, что ты завтра будешь делать?» Я ответил: «Не знаю». Он: «Ты приди к нам, возьми велосипед и покатайся. Когда накатаешься, тогда привезешь». Я говорю: «А жена не против?» Он: «Нет, я с ней поговорил». Пришел к ним на следующий день. Было видно, что люди живут в достатке. К столу не сел, не посмел. Накачал насосом колеса велосипеда и поехал, куда мне хотелось. В то время такая роскошь не каждому была дана. Мы были плохо одеты, но не голодны. Другой мой знакомый был бригадиром в лаве. Так называют забой, где добывают уголь. В 1939 году он купил мотоцикл двухколесный. На следующий день к нему пришли люди из НКВД и спросили, где он взял деньги на покупку техники.

Город рос

Тем временем в Прокопьевске вырастали новые горняцкие поселки: Зиминка и Голубевка. Начали застраивать Тырган. Накануне Великой Отечественной войны Прокопьевск представлял собой крупный город, в котором, по данным переписи 1939 года, уже проживали 107 тысяч человек.

Бросил техникум

Ушиб палец, был на бюллетене. И с того времени перестал ходить в вечерний техникум. Почему? Бог знает. Бросил учебу. И все. Среди студентов были люди и грамотнее меня, и похуже. Но цели никакой у меня не было, потому что мосты подо мной были поломаны, не на что было опереться. Да и из шахты я выезжал последним. Ведь пока весь уголь не выгрузишь, не отпускали. И приходил после учебы на работу измученный. Некогда было готовиться к урокам в техникуме. Из техникума потом приходили ко мне,

просили, чтобы вернулся. Но я этого не сделал. Ошибок в конспектах у меня было море. Даже самому неудобно было брать в руки свои тетради.

Пристрастился к чтению

Шел 1940 год. За большой вклад в обеспечение металлургии Советского Союза коксующимися углями коллективу шахты «Коксовая» было передано на вечное хранение Красное Знамя, учрежденное Народным комиссариатом угля и редакцией газеты «Правда». Тогда к работе шахтового коногона я привык, к водке – нет и к картам – тоже не привык. И в том году моя фамилия была упомянута среди лучших рабочих нашего предприятия в местной газете. Горный мастер рассказал журналисту о нашем ударном труде и среди других назвал меня. Заметка была небольшой, но все равно приятно удивила.

Кое-кто из моих ровесников в то время женился. У меня в голове этого не было. Я стал читать книги, какие попадали под руку, какие советовали окружающие. Стал знать, что такое любовь. Книги мне подсказали, кто есть человек.

Мать много работала, стирала наши тряпки, кипятила, чтобы всех нас дома и на работе вши не съели. Людей в шахте часто смертельно травмировало. Часто оставались одинокими молодые женщины с единственным ребенком. А какая хорошая девка пойдет в семью нищенскую?

133

Хлеб в 1940 году продавали. Хлебных военных карточек еще не было. На шахте в буфете можно было купить бутылку фруктовой воды и кусок хлеба. Как-то стало известно, что продавцы фруктовую воду разбавляли простой водой. Был суд. Чем дело кончилось, до меня не дошли разговоры. Ходил на работу своим ходом и с работы – так же. За два часа раньше – туда, на шахту, и на два часа позже – оттуда домой. Жил одной работой. А если бежать с незаконной каторги? Во-первых, нищий. Во-вторых, нет документа никакого. Бежали кое-кто. Это было очень редко. Я знал побега три. Кого-то назад привозили, но большинство беглецов не возвращалось. Потом побегов стали делать меньше, потому что на шахте остались те, кому некуда было бежать.

Лошадь сломала ногу

Когда был подземным коногоном на шахте, шел по железнодорожным путям рядом с лошадью, чтобы вывезти ее в клетки на-гора. И вот лошадь неправильно ступила ногой. То есть – не на шпалу, а мимо. Упала и сломала ногу. На меня было передано дело в прокуратуру.

Следователь сказал: «Принеси паспорт этой лошади, за сколько продали мясо, за сколько сдали шкуру и свою характеристику». Все это я собрал.

Нужно было принести документы в прокуратуру к шести часам вечера. Начальник написал характеристику, а заверить ее надо было у начальника шахты. Это – проблема. Там стояла охрана, секретарь.

Когда я стал спорить, начальник услышал, вышел и спросил у меня, в чем дело. Я сказал, что мне нужно бумагу в прокуратуру нести к шести часам вечера. Он подписал и поставил печать круглую. Принес я все бумаги, отдал следователю. Он прочитал, сказал: «Должно быть, твоя правда. Вот сейчас жди меня, пойду к прокурору».

Я сидел в коридоре. Сказать, что я боялся? Нет. Да, я не знал, чего бояться. Вот прошел час. Выходит следователь. Говорит мне: «Пошли». Пришли к нему в кабинет. Он говорит: «Прокурор закрыл дело». Я не понимал, что такое «закрыл». Он мне пояснил: «Кто на тебя подавал, теперь может только в Москву подавать жалобу. Иди и спи спокойно». Я сказал: «Спасибо».

Распух палец

Мне нужно было идти в ночь на работу в шахту, а я из-за прокуратуры минуты не спал перед сменой. Тут слышу по руке: ушибленный средний палец дергает так, что нет терпения. Посмотрел на него, он распух дальше некуда. Поликлиника работала в две смены, но я решил идти в больницу. Все же бог должен быть.

Пришел в больницу, это был конец работы. Оставался час, больных уже не было. Меня сразу вызвали. Я зашел, врач был мужчина в очках. Он спросил: «Это ты от пальца не спал?» Я ответил: «Нет, был вызван в прокуратуру и весь день был там». Доктор: «Помочь ничем не могу, палец нужно вскрывать, а обезболивающего нет ни грамма, приходи завтра утром, а если будешь терпеть, вскрою, дам больничный». Подал руку, отвернулся. Он за один прием вскрыл палец, набил бинты в рану, завязал. Выписал больничный лист на три дня. Пошел я спать. В это время сон для меня был дороже харчей. После этого поставили меня на два дня на яму уголь выгружать из вагонов. Тяжелого там не было труда, да и меньше было ходьбы.

Попробовал алкоголь

В 1940 году мне было 22 года. По природе положено жениться. Я уже почитывал кое-какие книги – и глупые, и умные. Предполагаю, что из них я узнавал, что люди на земле разные и подстригать под одну гребенку всех не положено. А у меня самого – голимая пустота в жизни. Поддержки ни от кого никакой, даже – словесной. Вовремя не женился, да и не стремился доказать, что я богат. У меня в голове этого не было. А что я вроде бы нищий, так я себя

таким не считал лишь потому, что я никогда не просил ни у кого помощи. Но в том году я первый раз в жизни был пьян.

Дело было в августе. Отдыхали всем коллективом участка шахты не по воскресеньям, а по четным числам. Примерно так: 6, 12, 18 числа и далее. В выходной день я был около магазина. Ко мне подошел знакомый, с которым работали в одной смене. Тоже коногон. Помню его. Фамилия Плюскин. Ему было лет 35. Он спросил: «Куда идешь?» Я ответил: «Домой». Он попросил, чтобы я помог ему донести сумки. В них было три четверти водки и еще что-то, но что точно, уже не помню. Он сказал, что у него день рождения и его ждут дома родные. Взял я по сумке в каждую руку. Пошли. Идти не так далеко было. Жил он на втором этаже в доме в центре Прокопьевска. Считался вольнонаемным рабочим, к кулакам не относился.

Квартира была хорошая по тому времени. Родни собралось человек 12. Люди были неплохие, хотя мне некогда было их рассматривать. Сразу усадили за стол. Выпил я махом два стакана водки. После второго стакана стал искать помойное ведро. Мне его отыскивали. Меня рвало. Потом вышел на улицу, не сразу смог определить, в какую сторону идти домой. Кое-как сориентировался и пошел. За ночь отлежался. Та моя пьянка надолго запомнилась.

В дальнейшем к пьянкам-гулянкам я пристрастен не был. Лишь по ходу дела участвовал, когда кто-то приходил в гости. Так было принято. Ходили люди друг другу, и на этом поприще формировались пьянки. Варили из сахара жидкость – бурду – без всяких рецептов. От браги человек лишался разума. А почему пили и ходили друг к другу? Потому что почувствовали, что остаются в живых. Может быть, ко мне больше ходили, чем к другим. Это вина моя. Можно было не выгонять гостей, а принимать без спиртного. И они больше не пришли бы. В том же году Плюскин погиб в шахте. Никто не видел, как это случилось. Вытащили его из-под вагонетки с углем мертвым. Мне пришлось и на его похоронах быть.

Лучший друг

Я освоил работу подземного коногона на угольной шахте. Лошадь меня всегда ждала. Когда брал ее под уздцы, слушала меня. Все, что нужно ей делать, делала. Начиналась работа так. Приходишь на шахту, получаешь наряд, идешь в мойку, снимаешь чистую одежду, проходишь в грязный отдел раздевалки, надеваешь спецодежду – брезентовый костюм и кое-какие тряпки под него. На ноги – резиновые чуни или литые калоши. Привязываешь их к ногам, чтобы не потерять. Идешь получаешь «лапу» – свой шахтовый номер – в большой очере-

ди. Потом подаешь номер, идешь за лошадь. Она уже ждет тебя. Ставили на один этаж клетки две лошади и тут же находились два коногона. К подходу к клетки лошади с боязнью относились, но в самой клетки при спуске вглубь шахты стояли спокойно, выходили и шли к месту работы. Кое-когда пешком далеко было ходить. Ляжешь поперек спины лошади, и она сама до места идет. А ты немного светишь лампой на дорогу. Приходим на свой участок. Надеваю на лошадь цепи, прицепляю шесть вагонеток двухтонных – и поехали: то туда, то обратно.

Коногон стоит на переднем вагоне, на буфере. Светит лампой для лошади. Она везет состав и подбирает цепь в натяг. Так нужно, потому что иначе, если цепь будет волочиться по земле, вагоны могут лошадь задавить. Поэтому лошадь цепь не опускает вниз. И так – всю смену. В начале смены работы меньше, в конце – больше, потому что угля больше идет. За себя все делал. Ругать и оскорблять – этого не было от мастера, хотя он находился всю смену около коногона. Через него шла добыча угля. Нелучайно мастер в газете похвалил меня.

К концу 1940 года в шахте стали работать свои специалисты. Но присланных из других регионов страны обычно ставили не выше мастера. Остальное начальство – вольнонаемные. Новых людей на шахту подвозили каждую неделю. Но эшелоны с кулаками после нас уже не прибывали. Такого рода ссылка закончилась на нашей. Комендатура стала меньше тревожить. Мы жили работой. Ходили в шахту каждый день, одевались кто во что. Большинство ходило в фуфайках. Люди молчали и чего-то ждали. Кто поразумнее, говорил: «Так всю жизнь не должно быть». Денег на пищу хватало, кое-когда можно было купить тряпки – одежду. Некоторые завели свое хозяйство, купили коров, держали в стайках около домов и барачков куриц, петухов и свиней.

Ярлычное время

Жизнь шла, часы отбивали дни и ночи, а мои золотые годы гibli, и помочь в этом было некому. Нищета и оскорбления. От жизни можно было уйти только в могилу. Но это не выход и не достоинство. Я считаю, за жизнь нужно бороться, что и было. Семья арестованного в 1937 году отца без него подрастала. В первую очередь – мои младшие братья-иждивенцы Иван и Василий. Они уже ходили за хлебом. Одеты были кто в чем. А я? В 10 лет считался сыном кулака, в 20 лет – врага народа. Наш труд был практически бесплатным.

Врагов не видел и не знаю

Пока не вышло из памяти. В 1989 году почта-льонка принесла мне домой газету «Комсомольская

правда». Это сильная газета. Правдиво пишет. Достойные корреспонденции публикует. Девушка, ей 14 лет, писала, что где-то читала про 1930-е годы. Спрашивает газету, где же были люди, почему они не добились справедливости? Подумал, как можно ответить на такой вопрос. Ведь он и меня касается. Мне тогда было не очень много лет. Почему бы не сказать – многое было не по-коммунистически, не по-человечески.

Семья Трофима Егоровича Шалакина, 1956 год

135
Знаю одно: врагов государства я не видел. Их просто не было. Но я боялся смерти, оскорблений, и это росло с каждым днем. Все это прочувствовал на своей шкуре. Считаю, что мои молодые годы прошли в борьбе со смертью. Мне встречались старики в бане. Они говорили, мол, перед войной шли эшелоны в Германию, растаскивали в стране кто что мог. Мне не придумать, как для правнуков писать такую историю. Такое большое государство заслуживает справедливой истории, но ее нет. Что помню за 70 лет? Единоличное хозяйство, колхоз, совхоз, войну, голод искусственный, шахту, ссылку, ярлык «сын кулака», ярлык «сын врага народа». Ссылали не помещиков, а могучую и все могущую рабочую силу. Так кто опишет все это?

Прочитал в газете: будут в моем городе строить храм. Люди заслужили серебряный храм, хотя их почти нет в живых. Осталось мало. Мне довелось видеть, как красиво в их руках держался инструмент. Они, в прямом смысле слова, мастера. Говорить, сколько таких погбило, не стоит. Мы все – временные жители планеты. Увидят тот храм их правнуки. Это большое дело. Звон колоколов успокаивает старого и малого, любого человека. Думаю, храмы помогут сделать людей человечными. Ведь мы уже дошли до таких ворот, что дальше ехать некуда.

Публикация Г. ШАЛАКИНА, г. Кемерово

Продолжение следует